
Мира Вишес
Как приручить некроманта

Мира Вишес

Как приручить некроманта

https://litres.ru/74692914
SelfPub; 2026

Аннотация

Что делать, если тебя, светлую фею, похитил для тёмного обряда самый мрачный некромант в округе? Правильно – причинять ему добро, пока не одумается! Уверена, он на самом деле не злой, а просто очень несчастный, потому что живет в таком неуютном месте, без цветочков, уборки в склепе и кружевных занавесок на окнах. Но ничего, я это исправлю...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	17
Глава 3	30
Глава 4	42
Глава 5	54
Глава 6	72
Глава 7	85
Глава 8	98
Конец ознакомительного фрагмента.	111

Мира Вишес
Как приручить некроманта

Глава 1

Утро в Оазисе фей всегда начиналось одинаково: волшебная роса оседала на лепестки ставней моего домика, и те раскрывались, впуская золотистый свет. Я потягивалась на перине из одуванчикового пуха и размышляла о том, что скоро сяду учить заклинания. Да-да, непременно.

Солнце щекотало пятки, ветерок задувал в приоткрытое окошко запах медового клевера, а где-то там, за изгибом Цветочной улицы, звенел смех Элары и Тианы. Наверняка они ждали меня у старого платана, который каждую весну отращивал серебряные листья, чтобы потом сбросить их за один день, словно передумывал быть красивым.

На столе лежали перевязанные атласной лентой свитки: наставница Иллианта вручила их мне три дня назад. «Заклинания третьего круга требуют сосредоточения, – сказала она строго, – и ты должна выучить их наизусть». Тогда я кивнула с очень честным лицом… Но свитки так и лежали нетронутыми.

– Обязательно выучу их, – пообещала я пустоте. – Просто

позже.

Перина согласно промолчала. Вот, прекрасно меня понимает!

Я встала, облачилась в новое платье из кремового паутинного шелка. Ткала всю прошлую неделю. Наряд получился славным: тонкие бретели, вырез, открывающий плечи, и полупрозрачный, почти невесомый подол. Покрутившись перед осколком зеркального камня, я осталась довольна. Волосы цвета цветущей сирени рассыпались по спине до самой талии. Я расчесала их ореховым гребнем.

Всё. Теперь можно выходить.

Мой домик – большой голубой колокольчик – стоял в начале Цветочной улицы. По утрам его лепестки пахли влажной прохладой, а внутри было тихо и зелено, даже когда снаружи светило солнце. А светило оно круглосуточно, разве что немного бледнело ночью. Я выбралась наружу через нижний лепесток – так было быстрее, чем открывать дверь, – и босые ступни коснулись теплой земли.

Сегодня улица была особенно прекрасна! Каждый цветок цвел с осознанием собственного совершенства, каждая травинка росла так, будто за ней наблюдают тысячи восхищенных взглядов. Воздух был сладким и густым. Мостовая, выложенная перламутровыми ракушками, мерцала под ногами, а над головой неторопливо проплывали перистые облака.

Элара заметила меня первой. Моя давняя подруга, фея с зелеными волосами, заплетенными в кучу мелких косичек.

– Ах, какое платье! – закричала она, высоко подпрыгивая. Поэтому и носила удобные комбинезоны, в которых хранила целый склад занятных вещиц. – Тиана, ты только посмотри…

Та обернулась, отрываясь от созерцания платана, и присвистнула. Ее платье было ничуть не хуже, сотканное из сгустков перламутра, но она ахнула.

– Тебе идет, – оценила Элара. – У тебя золотые руки.

Я присела в шутливом реверансе.

– Так вот, чем наша мастерица была занята все эти дни, – добавила Тиана, теребя свой голубой локон. – Мы ее звали на сбор пыльцы – не пошла. Звали ветер ловить – не пошла. А она, оказывается, моду создает.

Мы посмеялись, и я позволила себе расслабиться. Ненадолго.

Волшебная чаща располагалась на окраине Оазиса, там, где становился заметен защитный купол: тонкая пленка с розовым блеском, охраняющая наш мир ото всех, кто не являлся феями. За ее пределами начиналось Небытие – так мы называли эту полосу пустоты, серую безжизненную землю, на которой ничего не росло. А дальше, за Небытием, в другой реальности простирался мир людей. Я никогда его не видела. Рано мне еще было…

– Сюда, сюда! – Тиана подбежала к гигантским ирисам, чьи стебли вздымались выше наших голов, образуя причудливый лабиринт. – Сегодня я хочу быть вратарем.

– Вечно ты хочешь быть вратарем, – проворчала Элара. – Сегодня играем в обычные ловилки.

Я шла за ними, касаясь пальцами прохладных лепестков. Часик игр – это ведь капля в озере. Иллианта занята с маленькими феями, у нее нет времени проверять меня прямо сейчас. А к вечеру я сяду за свитки, выучу всё, даже самое сложное заклинание пробуждения спящих бутонов. И завтра приду к наставнице подготовленная, с чистой совестью.

– Модница, не спи!

Я вздрогнула. Тиана стояла в центре цветочной поляны, сжимая в ладонях переливающийся всеми цветами радуги мяч: из спрессованной пыльцы старших фей, невероятно ценный. Иллианта доверила его нам лишь потому, что мы обещали быть осторожными.

– Лови! – Тиана подбросила мяч высоко вверх, и он рассыпал в воздухе радужные искры.

– Легко. – Я поймала его на лету. – Элара, твоя очередь!

Мы играли, наверное, целую вечность. Или всего лишь четверть часа. Я отбивала, ловила, снова бросала, и каждый удар рождал новое облачко искр – синее, зеленое, алое. Красотища…

От очередного удара мяч описал дугу, сверкнул на солнце и полетел в сторону купола. Он часто улетал далеко, мы привыкли. Так что я побежала за ним, но Тиана вскрикнула:

– Нет, стой!

Ох… Мяч лежал за границей. В десятке сантиметров от

того места, где розоватая пленка купола встречалась с серой землей Небытия. Он замер, словно раздумывая, стоит ли двигаться дальше. Его свечение тускнело на глазах – в этом чужом, ни разу не волшебном пространстве.

– Мяч за куполом, – выдохнула Элара. – Кошмар…

– Он не укатился. – Я подошла ближе. – Видите?

– Это не имеет значения! – Тиана затряслась. – Купол не зря нас ограждает. Выходить наружу нельзя. Ни за что. Ни при каких обстоятельствах.

– Не собираюсь я выходить. Тут же маленькое расстояние. Я просто протяну руку – и всё.

– Не надо, – просила Элара. – Пожалуйста. Наставница нас отругает, но это лучше, чем…

Нет уж! Иллианта и так будет расстроена, что я играла вместо занятий. А если мы еще и пыльцу потеряем – мне тогда будет стыдно так, как никогда. Подвести старшую фею – это самое страшное, что может случиться.

– Я коснусь всего одним пальцем, – пообещала я и присела на корточки у границы.

Пленка купола на миг стала плотнее, проверяя, кто к ней прикасается. Пальцы прошли сквозь нее легко: фея есть фея, мы свои даже для самой строгой защиты. Я потянулась к мячу, уже чувствуя кончиком указательного пальца его теплоту.

– Ну вот, – обрадовалась я, намереваясь толкнуть его к себе. – Делов-то.

Земля задрожала.

Я не успела испугаться. Не успела отдернуть руку, не успела закричать. Из безжизненной пыли вырвались щупальца – призрачные и темные. Обвили мою кисть, дернув меня вперед. Теряя равновесие, я услышала:

– О, нет! Нет!..

Крик Элары доносился словно сквозь толщу воды. Упав, я увидела краем глаза, как она бросается ко мне, как Тиана пытается удержать ее за плечи, как их лица искажаются ужасом. Щупальца дернули снова, сильнее, и я кубарем выкатилась за купол.

Мир перевернулся.

Солнце исчезло. Цвета померкли. Воздух стал таким пресным, что им стало трудно дышать. Щупальца тащили меня куда-то вниз, не сквозь землю, а сквозь саму пустоту, и я не могла вдохнуть, чтобы закричать.

А потом всё кончилось.

Я лежала на чем-то твердом и холодном. Вокруг была темнота. Странная. Не такая, какая бывает в моем домике, если закрыть ставни. Абсолютная! Она застилала глаза, мешала понять, где я. Щупая окружающее пространство руками, я поняла – это какой-то каменный ящик. Тесный и узкий. Я водила ладонями по его бокам – везде камень, шероховатый, без единой щели. Надо мной тоже камень. Я старалась приподнять его – бесполезно. Он весил чуть ли не тонну!

Хотелось плакать. Но я не заплакала. Стиснула зубы, за-

жмурилась. Собственно, ничего не изменилось – хоть так темно, хоть эдак… Я призвала свою магию. По ладоням потекло тепло, я направила его в каменные стенки. Раз, другой, третий. Бесполезно. Единственное, чего добилась – воздух перестал быть затхлым. Это жуткое место высосало из меня силу?..

Клянусь, когда я вернусь домой, то сяду за свитки в ту же секунду! Выучу все заклинания третьего круга. До единого. Буду сидеть за своим столом и зубрить, пока не стану лучшей ученицей Иллианты. Только бы выбраться отсюда…

Раздались шаги. Гулкие, тяжелые. Кто-то идет!..

– Помогите! – закричала я изо всех сил. – Откройте!

Верхняя каменная плита сдвинулась в сторону с протяжным скрежетом, от которого заныли зубы. В щель хлынул свет. Точнее, жалкое подобие. Слабый, зеленоватый. Но после кромешной тьмы – совершенно замечательный свет.

Я проморгалась и опешила. Надо мной стоял… мужчина. Определенно. Высокий, в черном балахоне, который висел мешком, скрывая фигуру, но из-под капюшона выбивались темные, коротко остриженные волосы. Лицо незнакомца было бледным, с заметной щетиной на щеках и подбородке. А глаза – такие бездонные, что в них ничего не отражалось. Страшно!

– Закрой, – взмолилась я, внутренне сжавшись. – Пожалуйста. Закрой обратно.

Он не шелохнулся. Только присвистнул:

– Вот это сюрпризы в моем ритуальном саркофаге…

– Мне жаль, – решила я проявить вежливость. – Я не хотела занимать твой… саркофаг. Всего лишь попробовала достать мяч, а очутилась тут.

Этот мрачный тип уставился на меня так, будто пытался понять, не мерещусь ли я ему.

– Ты фея? – спросил он наконец, но вопросом это не звучало. Голос был низкий, усталый, с хрипотцой.

– Меня зовут Рия…

Незнакомец прищурился и обхватил меня обеими руками. Одна обвила мою талию, другая просунулась между спиной и дном саркофага. Ой-ой! Я вздрогнула, но позволила вытащить себя наружу. Не очень-то мне нравилось в его саркофаге. Он положил меня на сдвинутую каменную плиту, нависнув сверху.

– Рия, – повторил мужчина, пробуя каждую букву на вкус. – Ты хоть понимаешь, где находишься?

Я огляделась. Высокие каменные своды, сырость, чадящие факелы на стенах. В углах – груды хлама, в котором угадывались кости, старые пыльные книги, какие-то металлические ржавые чаши. Пахло плесенью, воском и какой-то гадостью.

– В мире людей? – предположила я.

Уголки его губ дрогнули, но улыбкой это назвать было нельзя.

– В моих владениях, – уточнил он.

– Ох! – невольно воскликнула я. – Ты живешь… в подвале?!

– Это склеп у моего родового замка, – хмуро ответил незнакомец.

Помолчал и стянул капюшон. Волосы упали на его лицо беспорядочными прядями, прикрывая острые скулы. На вид ему было человеческих лет тридцать, может, чуть больше.

– Малфегор Мортейн, – представился он. – Хозяин этих земель. Некромант, владыка тьмы, повелитель нежити, и прочее, и прочее.

– Н-не… – Я оторопело моргнула. – Некромант?..

Ответом был утвердительный кивок. Понятнее не стало.

– А я фея, да, – призналась я, потому что больше ничего не пришло в голову. – Из Оазиса. Волшебница второго круга. И ткачиха. Я платье себе сшила. Вот это.

Он убрал руки, отстранился и крайне глубокомысленно посмотрел на мое платье. Потом на мои босые ноги. Потом снова на платье. И выдавил:

– Смелый фасон.

– Что-то не так с моим платьем? – не поняла я. – Тебе не нравится?..

– Э-э-эм, – протянул некромант, отводя взгляд. – В принципе нормальное платье. Такое… белое. В тех местах, где не прозрачное.

– Я не в белом, – возразила я обиженно, – в кремовом паутинном шелке.

– Это неважно.

– Важно! Белый – нейтральный цвет, а кремовый – теплый оттенок, который гораздо лучше подходит к моим волосам.

Он закатил глаза.

– Ты серьезно?

Я вдруг поняла, что лежу в подвале – то есть склепе – вдалеке от дома, и спорю с владыкой тьмы об оттенках ткани.

– Не знаю, – пробормотала я. – Прости.

– Прощаю… – Он выпрямился. – Давай по порядку. Ты случайно оказалась в моем замке и хочешь домой, верно?

Я закивала.

– Увы, у меня нет заклинания, которое вернет тебя назад.

– Совсем нет? – переспросила я. – А его можно где-то достать?

– Вероятно. – Некромант словно задумался. – Но это займет время. Неизвестно сколько. Я не занимаюсь магией возврата фей в их волшебные оазисы.

– А чем ты занимаешься?

– Мертвыми.

Я обвела взглядом склеп. Заметила угловатые символы, вырезанные в камнях и странную звездочку, начерченную мелом на полу, в окружении оплавленных черных свечей. Бр-р-р…

– У тебя тут неуютно, – высказалась я.

Ответа не последовало.

– Очень неуютно. Холодно, темно и, кажется, плесень на

стенах.

– Это замок владыки тьмы, – произнес он тоном, каким объясняют очевидное маленьким детям. – Здесь не должно быть уютно.

– А кому от этого легче?

Взгляд мне достался столь угрюмый, что захотелось заползти обратно в саркофаг.

– Мне и так хорошо, – отрезал этот странный человек.

– Не хорошо, – не согласилась я. – У тебя лицо усталое и спина сутулая. Ты мало спишь и давно не видел солнца.

– Я работаю по ночам. Мне не нужно солнце.

– Всем нужно солнце. Даже мертвым, наверное. Просто они стесняются признаться.

Он сжал губы. И правда, куда подевалась моя вежливость…

– Не обижайся, – выпалила я. – Ты довольно симпатичный, если присмотреться. Вон, плечи какие широкие. И сильный! Плиты тяжеленные двигаешь.

– Поднимайся и иди за мной.

– Куда?

– Наверх. – Некромант отвернулся и направился к проему в стене, уходящему в темноту. – Поселю в гостевой комнате.

– У тебя есть комната для гостей?

– Вроде того, – бросил он через плечо. – Там тоже неуютно.

Я слезла с саркофага и поспешила за ним. За проемом

оказалась длинная каменная лестница. Платье путалось в ногах, босые ступни дубели, ступая по ледяному камню. Наставница Иллианта говорила: «Рия, ты не умеешь сидеть на месте, это твоя сила и твое проклятие». Интересно, входило ли в это проклятие то, что однажды я пойду за владыкой тьмы в его мрачный замок, потому что мне некуда больше идти?

– Подожди, – окликнула я. – Как мне тебя называть?

– Владыка Мортейн, – отозвался он, не оборачиваясь.

– Это не имя…

– Владыка Малфегор.

– А если сократить? – Я нагнала его на верхних ступенях. – Можно просто Малфи?

Он застыл. Медленно, очень медленно повернул голову и зыркнул на меня так, будто только что врезался в стену.

– Что ты сказала?

– Малфи, – повторила я, раз уж мой новый знакомый не расслышал. – Ну, как сокращение от Малфегора. Звучит почти по-домашнему.

– Я не хочу звучать по-домашнему, – процедил некромант.

– Неужели ты…

– Вы, – поправил он, перебив.

– У тебя есть семья? – ахнула я. – Жена, детишки?..

– Нет, я живу один.

– Тогда почему ты считаешь, что тебя здесь много?

Некромант открыл рот, чтобы ответить, но сразу закрыл. Потом открыл снова и сказал очень тихо:

– Иди за мной молча. Или мы никуда не дойдем.

– Ладно, – кивнула я, хоть и не поняла, почему это мы никуда не дойдем. – Вперед, Малфи.

Он выдохнул сквозь зубы и предупредил:

– Я не буду на это отзываться.

Посмотрим…

Мы продолжили подниматься по лестнице. Забрезжил тусклый солнечный свет, а я впервые задумалась о том, что, возможно, мой план «просто протянуть руку» был не самым гениальным в истории фей. Но, с другой стороны, где бы я еще встретила настоящего владыку тьмы, который не знает, как правильно сокращать собственное имя?

Ничего страшного. Я же фея! Я справлюсь.

Глава 2

Лестница вывела нас на поверхность, и я поняла, что Небытие –отнюдь не самое страшное место в мире. Застыла на пороге склепа. Снаружи простиралось окутанное туманной мглой кладбище. Надгробия торчали криво, практически как молочные зубы, которые не жалко отдать зубной фее. Знаю я парочку зубных фей… У них много волшебных монеток, и они оставляют их детям под подушкой в качестве платы.

Солнце даже не пыталось пробиться сквозь тучи, деревья стояли голые. Не в том смысле, что сбросили листву, а в том, что никогда ее не имели и не надеялись. Ветви тянулись к небу, словно просили милостыню, а оно подавало им воду, противную и колючую.

У нас в Оазисе тоже бывал дождь. Теплый, с серебряным отливом... Он оставлял на лепестках прозрачные бусины. Здесь дождь не умывал мир – размазывал землю в жидкую грязь, стекая по надгробиям грязными потеками. Трава под ногами – если это можно было назвать травой – не росла, а доживала. Жухлая и желтоватая, она стелилась по земле как подшерсток линялого зверя.

– Рия. – Оклик некроманта выдернул меня из созерцания этой тоски. Он стоял вполоборота, на мокрой земле в двух

шагах от меня. – Ты не идешь.

– Не иду… – Я переступала босыми ступнями по каменному порогу. – Тут некрасиво.

– Что? – нахмурился Малфи.

– Всё некрасиво, – повторила я громче. – Я понимаю, что так и должно быть. Кладбище, скорбь, все дела. Но не настолько же… неухоженно. В Оазисе старые пни зарастают мхом, но изумрудным, с бирюзовым отливом. А тут серая каша.

Некромант глядел на меня исподлобья. Дождь капал ему на лицо, но он не накидывал капюшон, позволяя воде стекать по небритым щекам, собираться в ямочке над ключицей, пропитывать черную ткань балахона.

– Я замерзла, – пожаловалась я и обозначила масштаб бедствия: – У меня пятки посинели. Заметила, когда на лестнице хотела их отряхнуть. Раньше они у меня были нежно-розовые.

– Раз… – Малфи прикрыл глаза. – Два, три, четыре…

Интересно, что он считает? В уме перебирает заклинания, которые вернут меня домой? Наверняка их очень много, надо все оценить, сопоставить.

– Ну да, – выдохнул некромант, разлепив веки. – Логично.

И вернулся ко мне.

Я не успела спросить, что именно логично – то, что пятки посинели, или то, что кладбище неухоженное, или вообще устройство мироздания, – потому что он вдруг стянул бала-

хон. Остался в темных штанах и рубашке – тонкой, с длинными рукавами и верхними пуговицами, расстегнутыми так, словно им надоело быть застегнутыми. Сквозь намокшую ткань проступал рельеф плеч. Широких, как я и говорила. Вот и зачем носить бесформенный мешок? Или у них тут мода такая? В Оазисе носят легкие платья, чтобы крыльям было удобно, хотя крылья есть только у старших фей. У меня пока нет, но я всё равно одеваюсь как они, потому что это красиво.

– Накинь. – Прежде чем я возразила или согласилась, Малфи набросил на меня балахон.

Ткань окутала тяжелым теплым облаком. Рукава были такими длинными, что я перестала видеть пальцы. Подол волочился по земле, собирая грязь. Внутри пахло… некромантом. Теперь я знаю, как они пахнут! Воском, старыми книгами и сухими травами. Полынь, кажется. И еще что-то дымное, горьковато-сладкое.

– А ты сам не замерзнешь? – забеспокоилась я.

– Идти сможешь? – проигнорировал он мой вопрос.

Я попробовала сделать шаг. Ткань намоталась на ноги, ледяная жижа противно хлюпнула между пальцами. Малфи вздохнул и подхватил меня на руки. Ох! Балахон сполз с плеч, пришлось придерживать его подбородком, чтобы не потерять единственное укрытие от холода. Ноги смешно свесились вниз, свободные рукава болтались в воздухе, как крылья неумелой бабочки.

– Держись, – велел некромант.

Я обхватила его за шею. Для равновесия и чтобы не упасть.

Никогда раньше не видела людей! К тому же, у нас в Оазисе все феи – девочки. Мы рождаемся из утренней росы и бутонов, для этого мужчины не нужны. А тут – человек. Настоящий. Я его и вижу, и трогаю. Какой насыщенный событиями день! А ведь только утро…

Кладбище кончилось, из пелены тумана вырос замок. Я ожидала чего-то величественного. Башни, шпили, флаги с гербами, может быть, ров с водой. Иллианта рассказывала, что люди любят строить крепости – для защиты от врагов. У Малфи их, видимо, не имелось. Его замок был величественным, но по-своему. Темный камень, почти черный от влаги. Башни – в наличии, шпили – тоже. Правда, без флагов. Окна – узкие, длинные, без ставней. За ними – темнота. Не та приятная, когда зажигаешь свечу и укутываешься в одеяло, а та, которая смотрит на тебя и не моргает.

Мы поднялись по ступеням крыльца: широким и щербатым от времени. Дверь выглядела так, будто ее ковали из целого пласта ночного кошмара, а потом для надежности обили полосками тьмы. Вместо ручки – металлическое кольцо.

Малфи толкнул дверь плечом ловко и привычно, словно каждый день входит с грузом в руках. В замке царил мрак. К счастью, стоило нам войти, как в огромном холле вспыхнули настенные факелы. Высокие своды уходили куда-то вверх,

терялись в тенях. Пол был выложен плитами черно-белого мрамора, но белый давно стал серым, а черный – матовым и стертым. Стрельчатые окна едва пропускали свет, будучи вопиюще немытыми. И пыль! Она лежала везде!..

Некромант поставил меня на пол, мрамор обжег ступни холодом.

– Здесь очень… – Я запнулась, подбирая слово, которое не обидит хозяина.

– Да, – согласился он. – Очень.

– Я не договорила.

– И не надо.

Оглядевшись, я чуть не вскрикнула. В углу у дубового шкафа без дверцы, заваленного бумагами и какими-то склянками, стоял скелет. С мерцающей в глазницах тьмой да отвисшей челюстью – или это улыбка? Трудно понять.

Он шевелился! Кисть правой руки елозила по полке, оставляя в пыли неровную дорожку. Пальцы – отдельные косточки, скрепленные магией.

– Это… – Мой голос сел до шепота. – Кто?..

– Это? – Некромант проследил за моим взглядом и усмехнулся. – Одно из тех умертвий, которое стесняется признаться, что ему нужно солнце.

– Оно… работает?

– Да. Скелеты выполняют работу по дому.

– Какую? – Я оглядела пыльные слои, паутину и запустение.

– Как умеют, так и выполняют.

– А почему у тебя нет нормальных помощников? Ну, людей?

– Я не держу слуг. – Малфи поморщился. – Не люблю посторонних.

Скелет, кажется, посмотрел на меня – насколько вообще был способен смотреть пустыми глазницами. Я озадачилась:

– А он не посторонний?

– Мои приспешники не являются посторонними.

– Ты его призвал! – догадалась я. – Бедняга не по своей воле тут пыль собирает. Или по своей? Скелеты вообще хотят работать уборщиками?

– Он не жалуется, – хмыкнул некромант.

– Может, потому что у него нет языка?

– У него есть язык.

– Да? – Я пригляделась к пустой челюсти, в которой даже зубов не было. – Где?

– В банке. На третьей полке. Справа.

Пожалуй, не буду проверять…

– Здравствуй, – ласково сказала я скелету. – Я Рия. А ты?

Его кисть дернулась так резко, что фаланги разлетелись веером. Одна упала на пол и покатилась к моим ногам. Я отшатнулась. Скелет замер, всем своим видом изображая невиновность.

– Извини, – покаялась я, – не хотела тебя напугать.

– Он не напуган, – авторитетно произнес Малфи. – У него

суставы слабые. От старости.

– Сколько ему лет?

– Не считал.

– А как его зовут? – поинтересовалась я.

Некромант покосился на меня так, будто я спросила, сколько звезд на небе и можно ли их рассовать по карманам.

– У него нет имени. Ему ни к чему.

– При жизни же его как-то звали? – не отставала я. – Твой приспешник не родился сразу скелетом. Так не бывает.

– Он не сообщил мне свое имя. Умертвия неразговорчивые, в отличие от тебя.

Последние слова Малфи выговорил с какой-то грустью.

– Рия, идем. Я покажу тебе твою комнату.

– А он? – Я указала на скелета, который по-прежнему не двигался, притворяясь мебелью.

– Останется в холле. Ему тут нравится.

– Откуда ты знаешь?

– Я спросил. Лет десять назад.

– Он не говорит!

– Кивнул.

Скелет повернул череп в сторону хозяина и чуть наклонил его. О-о-о… Разумный все-таки.

– Ладно, – сдалась я. – До свидания, безымянный. Позже мы придумаем тебе имя. Хорошее. Не торопись рассыпаться до моего прихода.

Он не ответил, но склонил голову ниже. Очевидно, дого-

ворились!

Мы с Малфи поднялись по широченной лестнице. По такой мог бы пройти целый отряд некромантов с феями, и никто бы никого не задел локтем. Коридор на втором этаже был таким же мрачным как холл, горящие факелы скорее подчеркивали темноту, нежели рассеивали. Одинаковые двери тянулись бесконечной чередой: из темного дерева, с железными петлями и тяжелыми кольцами вместо ручек.

Некромант остановился у двери в конце коридора, которая ничем не отличалась от остальных, и потянул за кольцо. Она отворилась с протяжным скрипом.

– Вот, – он сделал пригласительный жест, – добро пожаловать.

Я приглушенно охнула. Комната была… как бы это сказать… очень в духе замка. То есть мрачная и темная. Окно выходило на кладбище, и с высоты надгробия и голые деревья казались еще несчастнее. Свет едва просачивался через мутные стекла в свинцовых разводах.

Интерьер – отдельное ой. Самовспыхивающие факелы вместо светильников, массивная темная мебель с резными спинками. Кровать под балдахином из плотной бордовой ткани, которая выцвела и местами протерлась до дыр. Шкаф, похожий на поставленный вертикально гроб. Туалетный столик с почерневшим зеркалом. И паутина. Она свисала с люстры, затянула углы и укутывала ножки стульев. Пауков видно не было – то ли спали, то ли ушли горевать от безыс-

ходности.

– Я предупреждал, что тут неуютно.

– Предупреждал… Ценю твою честность!

Малфи поперхнулся. Я прошла за порог, пыль взметнулась маленьким облачком, закружилась в тусклом свете и осела обратно.

– Ты же постараешься побыстрее отправить меня домой, да? – умоляюще попросила я.

– Конечно, – вкрадчиво ответил некромант. – Конечно…

Я поджала одну ногу, поставив ступню на щиколотку другой – так холод чувствовался меньше.

– Обувь бы тебе, – вздохнул он. – А еще одежду… потеплее.

– Новые платья? – оживилась я. – Люблю новые платья! А обувь у нас в Оазисе никто не носит. Земля теплая, трава мягкая, зачем нам туфли?

– Здесь земля не теплая и не мягкая.

– Ну, значит, научусь носить. Это же не сложно? Надеваешь и ходишь.

Малфи прошел к шкафу и распахнул тяжелые створки. В нем висели вещи. Серые. Несколько платьев простого кроя, с длинными рукавами, глухим воротом и юбками до пола. Ткань добротная, плотная и абсолютно безликая. Ни вышивки, ни кружев, ни даже пояса, чтобы обозначить талию. На нижней полке разместились жуткие туфли. Тоже серые! Войлочные, с каким-то невнятным верхом и плоской подошвой.

– Бери тапочки, – некромант ткнул пальцем в них, потом на неприметную дверь в углу. – Ванная там. Факелы реагируют на переступание порога и тушатся двойным хлопком в ладони.

– Спасибо, – уныло поблагодарила я. – А… чье это? Ты говорил, у тебя нет жены и слуг. Откуда тогда женские вещи?

– Остались от прежних времен, – отчеканил он. – У меня дела. Вернусь позже.

И вышел в коридор, закрыв дверь. Я забрала из шкафа тапочки и направилась к двери в углу.

У-у-ужас… Пыльное чугунное корыто на львиных лапах покрывали пятна, которые я предпочла не опознавать. Раковина – такая же чугунная, с двумя кранами. Зеркало в потемневшей оправе висело криво, и в нем отражалась я – чумазая и растрепанная.

В Оазисе я мылась в собранной росе. У нас имеются купальни, куда вода стекает по серебряным желобкам, благоухает и светится. Мыло мы варим сами – из меда, лепестков и светящейся пыльцы. Оно пенится густо, душисто и оставляет на коже блестки.

Я покрутила вентиль – из крана в ванну вырвалась струя ржавой воды. Постепенно она светлела и теплела, становясь прозрачной и горячей. На полочке у зеркала обнаружились баночки. Я открыла одну – в ней оказалось что-то засохшее, бурое, с едва уловимым травяным запахом. Я налила воды, размешала пальцем. Средство нехотя ожило, превратившись

в жидкое мыло.

Сперва пришлось отмыть ванну. Пыль смывалась неохотно, пятна превращались в зеленые разводы. Я терла и терла. Когда чугун наконец заблестел чистотой, я заново пустила воду. Разделась. Балахон упал на пол с шорохом, платье – легко и невесомо. Я залезла в воду и зашипела – ой-ой, слишком горячо, не рассчитала! Вынуждена была добавить холодной, потом снова горячей, и еще раз, пока температура не стала приемлемой.

Я погрузилась в воду по плечи. Волосы поплыли вокруг меня, как медузы – сиреневые, длинные и тяжелые от влаги. Им явно не нравилось это мытье. Вода была жесткой и не ласкала волосы. Я намылила голову тем бурым средством. Пены не было – лишь жалкие пузырьки, которые лопались, едва родившись.

Ничего… Скоро я вернусь домой, засяду в купальне, натрусь медовым скрабом и буду пахнуть как положено фее!

Вымывшись, я вылезла из ванны и взяла полотенце: грубое, с торчащими нитками. Стоило провести им по плечу, как кожу защипало. Ох… Я стала вытираться осторожнее, собирая влагу точечными касаниями. Волосы выжала руками.

Платье и балахон лежали на полу, с испачканными кладбищенской землей подолами. Я набрала в раковину воды и принялась стирать. Шелк отмокал с трудом, грязь въелась основательно. Балахон пах полынью даже мокрый.

Из ванной я вышла в тапочках, завернутая в полотенце. Выстиранные вещи повесила сушиться на спинках стульев. Платье – рядом с балахоном. Тонкий паутинный шелк и черная ткань повисли бок о бок. Вместе они смотрелись странно, как две половинки чего-то, что никогда не должно было встретиться.

Окно покрылось дождевыми каплями, кладбище за ним расплывалось мутными пятнами. Обхватив себя руками, я поежилась и вспомнила. Магия!

Тепло откликнулось робко и неуверенно, потекло по венам, собираясь в ладонях и разгоняя озноб. Вспыхнуло мягким ровным сиянием. Не золотым, как в Оазисе, а похожим на тот скудный солнечный свет, что никак не мог пробиться сквозь тучи.

Воздух вокруг меня послушно нагрелся, кожа перестала покрываться мурашками. Волосы начали подсыхать, завиваясь еще сильнее. Замечательно! Моя магия не пропала… Она возвращается. В Оазисе меня уже учили заклинаниям третьего круга, сложным и требующим концентрации. А это – базовое первого круга – «Лучистое тепло». Иллианта говорила: «Даже младенцы-феи умеют согревать свои колыбельки». Я чувствовала себя младенцем. Но согретым.

За мутным стеклом моросил дождь. Кладбище темнело неровными бугорками, деревья тянули голые ветки к небу, а оно было таким же серым, как платья в шкафу. Захотелось погулять по замку. Не то чтобы вот прямо захотелось… Но

сидеть в комнате было скучно.

Подойдя к двери, я потянула за кольцо. Она не открылась. Я потянула сильнее. Кольцо ходило ходуном, петли скрипели, но дверь не поддавалась, словно ее приварили к косяку. Беда… Заело, заклинило. Надо будет попросить некроманта починить. Или безымянного скелета – может, ремонтировать у него получается лучше, чем вытирать пыль.

Завернувшись в полотенце плотнее, я забралась на кровать.

– Ничего страшного, – сказала я ей. Она промолчала, как моя перина из одуванчикового пуха, но без того понимающего соучастия. – Подожду. Малфи вернется. Он же обещал вернуться.

По делам отошел. Наверное, дела у владык тьмы очень важные. Не стоит добавлять ему проблем с ремонтом комнаты, он и так приютил меня в своем замке. Точно… Я починю дверь сама!

Глава 3

Малфегор

Мой кабинет находился в северной башне, куда солнце заглядывало раз в год и то по ошибке. Я уселся за письменный стол. Передо мной громоздились письма. Слева – те, что представляли хоть какой-то интерес. Справа – те, что могли подождать до конца света. В центре – те, которые я сортировал и отодвинул в тот момент, когда сработала сигнальная нить из склепа.

Я откинулся на спину стула и потер ладони.

Удача! Чистая, невероятная, невозможная удача!

Три года, семь месяцев и двенадцать дней в серой земле Небытия томилась ловушка. И наконец-то сработала. Я ставил ее без особой надежды, как ставят капканы у кромки леса, откуда не высовывается ни одного зверя. Ритуал Воплощения требовал светлой магии – предельной, сконцентрированной и живой. Феи – идеальный источник. Но они не покидают свой Оазис. Вернее, покидают, но только те, кто достиг пятого круга и выше, – а таких, во-первых, мало, во-вторых, они сами кого хочешь похитят при желании.

Видел я однажды королеву фей… Мабэлла прибыла на королевский совет по вопросу разграничения магических вли-

яний, села на трон, улыбнулась – и его величество не осмелился возразить, потому что никто не хочет ссориться с существом, которое способно превратить тебя в одуванчик.

Я тоже не хотел превращаться в одуванчик, поэтому ставил ловушку хитро, аккуратно и с предельной маскировкой. Портальный якорь утопил в слоях эфира, следы запутал так, что никому не распутать. Шел четвертый год…

А сегодня в саркофаге оказалась юная фея. Магия вытекла из нее в первые же секунды пребывания в нашем мире, как вода из прохудившегося кувшина. Для ритуала это неземное создание непригодно. Сейчас. Пока что.

Феи не накапливают силу, они пропускают ее сквозь себя, как стекло пропускает свет. В Оазисе этот свет льется отовсюду, здесь же иная реальность. Но Рия привыкнет, адаптируется. Примерно через месяц уровень ее магии поднимется до необходимого. Будь она третьего круга, не растеряла бы силу при перемещении, и можно было бы провести ритуал сразу. Впрочем, грех жаловаться. Второй круг – не первый. Там вообще еще дети! Умеют только светиться и верещать. Бесполезны. Рия – не ребенок, несмотря на поведение…

Я отогнал мысль, не дав ей оформиться.

Потому что, если я позволю себе думать о том, как фея себя ведет, мне придется думать о том, как она выглядит.

Я потер уже не ладони, а лицо.

Платье. Это всё платье виновато. Из чего оно сделано? Из паутины? Из тумана? Из смутных представлений о прили-

чиях, которые у фей напрочь отсутствуют? Кремовый оттенок, сказала она. Кремовый. Я смотрел и видел не оттенки, а то, что это «платье» практически ничего не скрывало. Открытые плечи. Вырез. Полупрозрачный подол, который колыхался при каждом движении, как морская вода в ясный день.

Правильно я накинул на нее балахон! Разумное решение. Практичное. Ей было холодно, а балахон теплый. То, что после этого мне стало легче дышать, просто совпадение.

Я сконцентрировался на бумагах. Королевская канцелярия напоминала, что согласно параграфу семь, подпараграфу три, владыка тьмы обязан ежегодно предоставлять отчет о количестве поднятых умертвий с разбивкой по классам сложности и целям воскрешения. Отчет следовало подать две недели назад.

Я отодвинул канцелярию в сторону «до конца света».

Следом шли жалобы. Я перебирал их со скукой, потому что содержание не менялось уже много лет. Скотовод Н. сообщал, что у него сдохла корова, и считал виновным некроманта Мортейна. Фермер С. клялся, что урожай репы в этом году не взошел из-за зловредного магического фона, исходящего от замка. Молочница П. жаловалась, что у нее прокисла сметана, и в этом, по ее мнению, тоже был виноват я.

Я выкинул первые две жалобы, над третьей задумался. Может, сметана действительно прокисла из-за меня? Вчера я проводил ритуал упокоения злобного духа на дальнем по-

госте, ветер дул в сторону деревни… Нет. Бред.

Следующее письмо было от мэра захолустного городка по соседству. Он жаловался, что в последнее время по ночам на кладбище кто-то шуршит и светится. Я отложил письмо, наметив новую стопку: «проверить, когда не будет лень». Хотя, скорее всего, это блуждающие огоньки. Или лиса со светящимися глазами. Или умертвие, которое забыло, что ему не положено бродить по округе и пугать горожан.

Я глянул на скелет шиншиллы, сидящий на подоконнике. Она замерла, притворяясь бессмысленными останками.

– Это не ты там шуршишь и светишься? – осведомился я.

Шиншилла отрицательно скрипнула челюстью.

– Точно?

Опять скрип. Я успокоился. Отложив письмо мэра, полез в ящик стола. Там, вперемешку с высохшими перьями, обломками мела и одним очень подозрительным зубом (не моим, чьим – не помню), лежал список ингредиентов для ритуала Воплощения. Я развернул пергамент, сдул пыль.

Пункт первый: фея.

Имеется.

Пункт второй: кристалл-накопитель.

Имеется, на складе.

Пункт третий: кровавый камень для фокусировки.

Имелся. Где-то в кабинете.

Я перерыл ящики. Перебрал содержимое шкафа, заглянул под него, даже приподнял край ковра, под которым никто

не убирался, и нашел там окаменевшего таракана и медную монету, которую, видимо, обронил еще мой отец.

Кровавого камня не было.

– Прах демона мне в глотку, – выругался я вслух.

Шиншилла на подоконнике сочувственно скрипнула.

Я попытался вспомнить, когда в последний раз держал этот камень в руках. Месяц назад? Два? Он небольшой, с фалангу мизинца, темно-бордовый, с прожилками, похожими на застывшие молнии. Я вынес его из кабинета, собирался вплавить в ритуальный круг. А потом пришло срочное письмо о нашествии голодных вурдалаков на южные деревни, и камень…

Куда я его дел?

– Надо заказать новый, – сказал я шиншилле.

Она склонила голову набок, отчего череп едва не отвалился.

– Знаю, что дорого. Но без него никак.

Я взял чистый лист, обмакнул перо в чернила. Перо царапало бумагу, оставляя кляксы. Я вывел:

«Господину К. Торговый ряд, лавка 13.

Требуется:

Кровавый камень, огранка любая, чистота не ниже седьмой ступени.

Лунная пыль – 2 унции.

Корень мандрагоры, сушеный, желательно не старше года.

Слезы единорога. Если есть».

Последнее было в списке чисто на удачу. Раз уж она мне нынче улыбается, надо пользоваться. Хуже не будет.

Я свернул письмо, капнул сургучом, приложил печать с родовым гербом – череп, перевитый плющом.

– Отнеси, – я протянул письмо шиншилле, – в город, господину К. Не перепутай.

Приспешница взяла его лапками, аккуратно, стараясь не проткнуть бумагу костями.

– И быстро.

Она метнулась к открытому окну, перепрыгнула на подоконник и исчезла в серой пелене дождя. Маленький скелет мелькнул между ветвями голого дерева и растаял.

Я проводил ее взглядом и спохватился. Два часа! Целых два часа прошло с тех пор, как я запер фею в «гостевой комнате». За это время она могла устроить все что угодно: от мелкого беспорядка до полного демонтажа замковых стен. Судя по тому, как эта фея разглядывала скелет в холле, второй вариант был более вероятен.

Коридоры замка встречали меня привычной тишиной и мрачным умиротворением. Я прошел к нужной комнате, протянул руку и остолбенел. Дверь была приоткрыта.

Я запирал ее. Определенно запирал!

Из замочной скважины торчали цветы. Мелкие, голубоватые, с тонкими стебельками – они проросли прямо из железной прорези, облепили скважину со всех сторон, пахли

влажной землей и чем-то сладким.

Когда я распахнул дверь, цветы осыпались на пол. Я перешагнул через них, уже зная, что увижу. Пустую комнату. На спинке стула сушилось ее платье. Свисало с деревянной перекладины, как сброшенная кожа диковинной змеи. Рядом висел мой балахон. Я провел пальцами по ткани. Мокрой и чистой – до скрипа. Фея его выстирала?! Зачем?

Оставив балахон в покое, я вышел в коридор.

Подземелье. Надо было запереть ее в подземелье! Поиграл в гостеприимного хозяина… Дурак. Получил побег.

Где Рия сейчас? В холле? На кладбище, ловит ртом дождь и радуется свободе? А если постарается вернуться в Оазис? Портал был односторонним, но она же фея, у них своя магия, свои обходные пути…

Сверху донесся шум.

Я рванул на третий этаж, перепрыгивая через две ступеньки. Нет, я не волнуюсь! Просто не могу потерять источник светлой магии, единственный за три года, семь месяцев и двенадцать дней. В коридоре третьего этажа шум повторился, я повернул за угол.

Что за?!

Шкаф. Старый, дубовый, высотой практически до потолка – его поставили здесь еще при прадеде, и с тех пор он стоял себе спокойно. Но не сегодня. На шкафу, вцепившись руками в верхнюю полку, висела фея. Одна нога в тапочке нашла опору на выступе резьбы, вторая искала, куда бы при-

ткнуться на средней полке, роняя с нее семейный антиквариат. Полотенце – и только оно одно – обматывало ее от груди до пятой точки, оставляя совершенно открытыми плечи, ноги и, собственно, все остальное.

– Какого тлена ты делаешь? – поинтересовался я.

Рия вздрогнула, обернулась, чуть не потеряв равновесие, и вцепилась в полку сильнее.

– Ой, прости! – Она тянулась рукой к верхней полке. – Не хотела шуметь. Там наверху что-то блестит, я гляну – и слезу.

– Ты слезешь немедленно.

– Сейчас, только достану…

Фея вскарабкалась выше, полотенце задралось. Я резко отвел взгляд. Уставился в стену, на которой висела старая картина с изображением прапрабабки. Она смотрела на меня с осуждением. Говорят, прапрабабка осуждала вообще всех, когда была жива, так что ее мнение можно не учитывать.

– Я сказал: слезай!

– Да, да, сейчас…

Послышался скрежет, затем – грохот, от которого, наверное, содрогнулись все умертвия.

Я обернулся. На полу лежал поваленный набок шкаф, содержимое полок валялось по всему коридору. Счастье, что Рию не пришибло! Она сидела рядом на корточках, целая и невредимая, и разглядывала что-то в ладони. Полотенце чудом держалось на положенном месте с риском окончательно

капитулировать.

– Ух ты, – завороженно протянула фея. – Какой красивый!

В тусклом свете факела в ее руке блеснул кровавый камень. Темно-бордовый, с прожилками, похожими на застывшие молнии. Он отсвечивал красным, как маленький уголек.

Еще одна хорошая новость – аура Рии сияла не в пример ярче, чем в склепе. Магии и сил у нее чуток прибавилось. Обнадеживающий темп восстановления. Возможно, потребуется гораздо меньше, чем месяц.

– Зачем ты сломала дверь?

– Я не ломала! – Она подняла взгляд фиалковых глаз. Ее сиреневые волосы рассыпались по плечам, влажные, вьющиеся, сбившиеся в кудряшки. – Я починила. Она не открывалась. Ты представляешь? Я ее дергаю, дергаю, а она не поддается. Заело! Ну я и поколдовала немного. Теперь дверь, конечно, не закрывается. Но это же лучше, чем не открываться, правда?

М-да. Она не поняла, что дверь не открывалась потому, что я ее запер.

– Правда, – изобразил я улыбку. – Лучше.

Рия довольно кивнула и посмотрела на опрокинутый шкаф.

– Я и его починю, – пообещала она. – Соберу то, что просыпалось…

– Умертвия починят и приберутся. – Я протянул руку. – Отдай. Это мое.

– О… – Фея выпрямилась и потянулась к полотенцу, «завязанному» на груди. – Не знала, что оно у тебя одно…

– Нет! – рявкнул я, отворачиваясь к стене. Прапрабабка на картине осуждающе выгибала бровь. – Я про камень!

– А-а-а… – В ее голосе послышалась растерянность. – Держи.

Я взял его, не глядя, зажал в ладони и только тогда повернулся обратно. Рия смущенно улыбалась. Полотенце кое-как прикрывало то, что должно быть прикрыто, но с каждым мгновением делало это всё менее качественно.

– Почему ты не одета?

– Мне не нравятся платья в комнате, – она махнула рукой в сторону лестницы. – Не хочу их носить.

– Тебе не холодно? – попытался я воззвать к ее чувству самосохранения, если таковое имелось.

– Я наколдовала тепло, – объяснила Рия и подняла ладонь. На ее пальцах зажегся мягкий свет. – Мне теперь нормально. А тапочки я буду носить, чтобы пятки не испачкать. Тут полы грязные.

– Ходить в полотенце неприлично.

– А что такое «неприлично»?

– Это… – Я запнулся. – Это значит, что так не делают. Не принято.

– Кем?

– Людьми!

– Но я же не человек, – резонно заметила она. – Я фея.

– Ты в мире людей, – процедил я. – А люди не ходят перед другими людьми без одежды или почти без одежды. Разве что при особых обстоятельствах.

– При каких? – спросила Рия с неподдельным, абсолютно искренним любопытством.

– Это не твой случай, – отрезал я. – Так что изволь одеться.

– Хорошо! Пойду проверю свое платье. Оно наверняка высохло.

Фея засеменила по коридору, шлепая тапочками по полу. Волосы развевались за ее спиной, прикрывая поболее, чем банная принадлежность.

Она не понимает. Она действительно не понимает, что разница между ее платьем и полотенцем – только в степени прозрачности и количестве ткани. И что одно другого ничуть не лучше.

Закрыв глаза, я досчитал до десяти. Когда открыл, фея уже скрылась за поворотом, оставив после себя сладкий цветочный аромат. Я подбросил камень в ладони. Что ж, для ритуала у меня всё есть. Фея – скоро будет. В нужной энергетической кондиции. Надо отдать скелетам приказ следить за ней и не выпускать из замка. В случае чего – звать меня.

Прапрабабка на картине молчала, но осуждала еще сильнее.

– Чего ты на меня смотришь? – огрызнулся я, пряча камень в карман. – Я всё делаю правильно.

Разумеется, она не ответила. Я переступил через шкаф и пошел назад к себе в кабинет. Да уж. Не было у некроманта печали, так «завел» некромант фею…

Глава 4

Рия

Зеркало в моей комнате так загрязнилось, что его можно было принять за часть стены. Я подошла близко-близко – и ахнула. Там, в черной глубине, кто-то схватился руками за голову. Понадобилось несколько секунд, чтобы понять: этот кто-то – я сама.

Снова пригодилась тряпка из ванной комнаты. Пыль на зеркале лежала плотно, будто ее нарочно намазывали слоями, стараясь, чтобы ни один лучик света не посмел отразиться. Я терла и терла, тряпка темнела на глазах, пришлось бегать полоскать ее.

И вдруг – о чудо! – из серой мути проступило мое лицо.

Сиреневые волосы после мытья завились мелкими кудряшками и торчали в разные стороны, как у метелки, которая слишком многое повидала в жизни. Щеки раскраснелись, глаза блестели – то ли от усердия, то ли от того, что мне по-прежнему не верилось, что я нахожусь здесь.

Я повертелась перед зеркалом – уже надела свое высохшее платье. Дома, в Оазисе, я выглядела прекрасно, а здесь… С одного бока вроде ничего. С другого – тоже. Потом взгляд упал на ноги.

Тапочки.

Серые. Войлочные. Бесформенные. Они торчали из-под подола, как два печальных войлочных чудовища. Я скинула их и села к ним на пол. Они лежали передо мной, и в их безликости чувствовалась какая-то обреченность. Мол, мы такие, какие есть, лучше не станем.

Станете! Еще как станете.

Магия откликнулась не сразу, но тепло потекло по рукам, собираясь в кончиках пальцев. В ладонях появились тонкие светящиеся нити паутинного шелка. Родной, тот самый, из которого я ткала в Оазисе.

Я взяла первую тапочку и принялась за работу. Нити ложились ровно, оплетали серый войлок, превращая его в нечто совершенно иное. Стоило добавить чуть золота и розоватого свечения, как тапочки преобразились прямо на глазах. Вторую я делала дольше – хотелось, чтобы они получились одинаковыми, а вручную это сложно.

Результат был прекрасен! Серый войлок исчез под слоем переливчатого шелка, мягко светящегося в полумраке комнаты. Теперь это туфельки – волшебные, достойные феи. Я надела их и опять покрутилась у зеркала.

– Красота, – сказала я своему отражению.

Оно согласно кивнуло.

И тут в животе заурчало. Громко, требовательно, совсем не по-феечьи. В Оазисе я питалась солнечным светом и цветочной пыльцой…

За мутным стеклом продолжал моросить дождь и, кроме травы, у замка ничего не росло. Единственными доступными цветами были те голубоватые, что выросли из маленького отверстия в двери, когда я ее чинила. Они лежали кучкой, увядая без земли, воды и света. Лепестки начали темнеть по краям и скукоживаться.

Я собрала все цветы, понюхала. Пыльцы в них не было. Совсем. Свеженаколдованные ведь, причем моей магией! Им нужно время, солнце и правильный уход. В ванной нашелся стакан – с какими-то разводами на стенках. Тщательно его вымыв, я набрала воды и поставила букет на подоконник. В комнате стало лучше. Намного. Занавески бы еще…

И тут я вспомнила про Оазис.

Ох, что там сейчас творится! Элара и Тиана побежали к наставнице Иллианте. Весь Оазис стоит на ушах из-за моего исчезновения. Меня ищут? Наверняка ищут! Старшие феи сильные и мудрые, они умеют проходить сквозь границы миров, а королева Мабэлла могущественная волшебница.

Я вгляделась в мглу за окном. Где-то там, за этим бесконечным дождем, за этим кладбищем и голыми деревьями, за полосой Небытия – мой дом. Моя Цветочная улица, мой домик-колокольчик, моя перина из одуванчикового пуха.

– Пожалуйста, – прошептала я в стекло, и оно запотело от дыхания. – Найдите меня. Пожалуйста.

Я нарисовала пальцем цветок. Он получился немножко грустным… Внезапно за дверью послышалось шуршание.

Тихое, осторожное, будто кто-то очень старался не шуметь. Я подкралась к порогу. В коридоре стоял тот скелет, что «вытирал пыль» в холле, и ковырялся в дверном отверстии костяными пальцами.

– Помнишь, – сказала я ласково, – я обещала придумать тебе имя?

Его челюсть дрогнула. Кажется, он вспомнил.

– Я думала-думала и придумала. Ты готов?

Скелет кивнул. Отчетливо, хотя я не представляла, какими мышцами он это делает, если у него вообще нет мышц.

– Костяшкин, – торжественно произнесла я. – Нравится?

В этот раз его кивок вышел очень даже энергичным. Ему понравилось!

– Ты чинишь замок, да? Чтобы закрывалась?

Он склонил череп набок.

– Это я ее так, – покаялась я. – Поколдовала и не рассчитала. Но ты такой хозяйственный, молодец.

Скелет – то есть Костяшкин – заметно приободрился. Выпрямился, насколько позволяли суставы.

– Я тоже решила навести порядок. Зеркало отмыла, цветы поставила. Ой, я же шкаф уронила! На верхнем этаже. Такой огромный. Полезла на него, а он… ну, упал. Ты знаешь?

Костяшкин всем видом показал: знаю, еще как знаю.

– Убрали уже? – спросила я с надеждой. Опять кивок. – Фу-у-ух, спасибо тебе. Я больше не буду, честно.

Скелет посмотрел на меня пустыми глазницами. Мне по-

казалось или в них мелькнуло что-то похожее на одобрение?

– А где владыка? – спохватилась я. – Мне надо его найти.

Костяшкин поднял палец – жест «подожди» – и быстро-быстро, пока фаланга не отвалилась, начертил второй рукой на пыльной стене карту. Кривую, но понятную. Прямо, поворот, лестница, башня, дверь.

– Ты замечательный! – обрадовалась я. – Лучший на свете.

Он засмущался. Честное слово, я видела, как он засмущался! Даже череп чуть розовее стал, хотя такого быть не может.

Я помахала ему на прощание и побежала по коридорам. Одинаково неухоженным – пыль, паутина, запустение. Но под слоем грязи угадывалась мозаика, а на почти черном полотне я разглядела вышивку. Жаль, не поймешь, что там изображено.

Думаю, когда-то здесь кипела жизнь. Очень давно. При родителях некроманта или того раньше? Я вспомнила портрет, который видела на третьем этаже, рядом с упавшим шкафом. Та пожилая дама в старомодном платье, с поджатыми губами и тяжелым взглядом. Наверное, родственница Малфи. Бабушка? Прабабушка? Разумеется, она недовольна, видя, во что превратился ее замок.

Если прибраться, дама станет веселее? Хотя нет, она же картина, ее такой изобразили. Может, перерисовывать? Не целиком, конечно, а подправить. Уголки губ приподнять, чуть-чуть.

По пути мне попались еще скелеты. Двое. Они пытались сливаться с мебелью, но оба следовали за мной. Наверное, им было любопытно.

– Здравствуйте! – крикнула я им. – Так вас здесь много? Я фея Рия, гостья некроманта. Вам тоже придумать имена?

Один скелет – ого-го какой, вот уж и правда кость широкая – притворился… э-э-э… статуей? Второй, низенький, спрятался под торшером.

– Наверное, мне показалось.

Я решила делать вид, что не замечаю их, чтобы не пугать. Пошла дальше, а они продолжили преследовать меня перебежками.

Лестница, нарисованная Костяшкиным, оказалась узкой и витой. Я поднималась по ней, считая ступеньки, и на пятидесятой запыхалась. У фей в Оазисе нет настолько высоких башен! Мы живем в цветах, там всё компактно и уютно. Понятно, почему у некроманта такие мускулы – постоянно ходить туда-сюда и двигать тяжеленные крышки саркофагов.

Наверху была только одна дверь: старая, дубовая, с железными полосами. Я толкнула ее и переступила порог. За столом, заваленным бумагами, сидел Малфи.

– Ух ты, – хлопнула я в ладоши. – У тебя тут рабочий кабинет, да?

Он вздрогнул, его рука дернулась, и что-то со звоном покатилось по полу. Чернильница. Хорошо, что пустая! Подбежав, я подняла ее и поставила обратно, осмотрелась. Комна-

та была круглой, как и полагается башне. Стены скрывались за высокими шкафами, битком набитыми книгами и свитками.

– А вид из окна какой… – Я запнулась. За стеклом всё так же моросил дождь, кладбище угадывалось смутными очертаниями, деревья тянули голые ветки к серому небу. – Ну… такой же унылый вид. Зато высоко.

– Как ты меня нашла?

Голос у некроманта был странный. Будто он хотел спросить что-то другое, а не это. Или это, но как-то иначе.

– Костяшкин подсказал!

– Кто?!

– Твой скелет с языком в банке. Мы с ним подружились. Я придумала ему имя, а он нарисовал, где тебя искать.

Малфи закрыл глаза. Открыл и буркнул:

– Упокою…

– Это ты про отпуск? – догадалась я. – Правильно! Все должны отдыхать. Кстати, а когда Костяшкин в последний раз был в отпуске?

Некромант снова прикрыл глаза. Я забеспокоилась – может, у него глазной тик? Или он так сосредотачивается?

– Чего ты хочешь? – спросил он, разлепив веки.

– Еды! Проголодалась.

– А что ты ешь?

– Солнечные лучи и цветочную пыльцу. Вызревшую на солнце, конечно. Самую сладкую.

Он уставился в окно. Я тоже. Солнца не было. Вообще. Малфи встал, подошел к шкафу, достал оттуда книгу. Я увидела название: «Полный справочник по феям и их обычаям. Издание четвертое, дополненное». Он читает про нас книжки… Это так мило!

Некромант нашел нужную страницу, пробежал глазами по тексту. Захлопнул книгу и убрал на полку.

– Феи едят и обычную еду, – сказал он с некоторым облегчением.

– О, мы с подружками пекли медовые кексы и готовили варенье из плодов радужного малинника! Но это не еда, а десерт.

– Кексов и варенья у меня нет. Есть каша.

– Вкусная?

– Я ем, и мне нормально.

– Ладно, – согласилась я. – Давай свою кашу. Сейчас время обеда.

Малфи глянул на часы. Настольные, с маленьким маятником. Часы показывали что-то среднее между днем и вечером.

– Можно и пообедать, – вздохнул он и направился к двери.

– Смотри! – Я поскакала за ним, по пути высовывая ногу из-под юбки. – Тапочки переделала. Красиво получилось?

– М-м-м… – Некромант глянул на мою ногу и спешно отвел глаза.

«М-м-м» – это, видимо, он не мог подобрать слов для такой красоты.

Я побежала по лестнице, пританцовывая. Подол взметнулся, туфельки сверкнули. Малфи ускорил шаг, смотря на перила, на стены, на потолок – куда угодно, лишь бы не на меня. Загадочные существа эти люди…

Кухня оказалась такой огромной, что в ней можно было водить хоровод со всеми феями Оазиса – и еще место осталось бы. Высокие сводчатые потолки, почерневшие от копоти, плита, занимавшая полстены, деревянные столы, ряды крюков на потолке. Грязь была везде. На столешницах – засохшие пятна. На полу – липкие разводы. В раковине высилась гора немытой посуды, настолько внушительная, что грозила рухнуть в любую минуту.

У плиты стоял скелет. В фартуке! Когда-то белом, теперь серо-буром, болтающемся на костлявых бедрах. В одной руке приспешник владыки тьмы держал деревянную ложку, другой помешивал что-то в котле, от которого валил пар.

– Ого, – оценила я, – у тебя и повар есть…

– Есть. – Малфи заглянул в котел. – Каша готова?

Скелет отсалютовал ложкой. Некромант взял тарелку – из тех, что стояли на столе, судя по виду, относительно мытые – и зачерпнул кашу прямо из котла. Точнее, вязкую серую массу.

– Угощайся. – Он забрал у повара ложку и дал мне.

Я осторожно набрала каши. Подула, отправила в рот – и едва сдержалась, чтобы не выплюнуть. Фу-у-у! Крупа частично подгорела, а частично разварилась в слизь. Соли не

хватало, а может, и не только ее.

Скелет-повар затрясся, в пустых глазницах читалась паника. Сделав над собой усилие, я проглотила эту гадость.

– Знаю, ты старался, – пожалела я его. – Не твоя вина, что это несъедобно. Скелеты же не могут попробовать приготовленное…

Бедняга, кажется, выдохнул. Хотя чем он дышал? Малфи тем временем зачерпнул и себе полную тарелку, принялся есть. Без ложки – просто подносил тарелку ко рту и хлебал. Лицо у него при этом было совершенно невозмутимое.

– Нормальная каша, – сказал он, заметив мой взгляд. – Бывало и похуже.

Куда уж хуже?..

Повар заметался по кухне, открыл какой-то шкаф, извлек оттуда буханку хлеба. Протянул мне. Я взяла, попробовала куснуть – и чуть не сломала зуб. Хлеб был твердым, как камень. Его пекли при жизни дамы с портрета?

– Проверь холодильный шкаф, – подсказал Малфи.

Упомянутый шкаф был огромным, под стать всей кухне. В нем было пусто. Почти. На полках лежало что-то, завернутое в промасленную бумагу. Развернув, я поскорее замотала это обратно. Не хочу угадывать, чем оно когда-то было…

На нижней полке, в ящике, я нашла маленькое сморщенное яблоко. Надкусила и зажмурилась от удовольствия. Кисло! Но это был вкус. Даже интереснее, чем сладкий.

Пока я доела его, повар суетливо притащил корзину. Там

лежали такие же яблоки с морщинистой кожицей, целая куча. Малфи по-прежнему стоял и хлебал кашу.

– Ты чего не сядешь? – удивилась я.

– Мне и так нормаль… – начал он.

– Нет, так нельзя. Где у вас столовая? И ложку возьми.

Некромант вздохнул, но ложку взял и пошел за мной.

Столовая располагалась рядом с кухней – большая комната с длинным дубовым столом и стульями с высокими спинками. Хозяин уселся во главе стола, я устроилась рядом. Он ел кашу, я грызла яблоки из корзины, выплевывая жесткую кожуру. Через минуту в столовую начали стекаться скелеты. Сначала те двое, что ходили за мной по пятам. Потом повар. И Костяшкин, видимо, дочинивший дверь. Они принесли кувшин с водой, чтобы мы не ели всухомятку, и хлеба. Черствого, но хотя бы нарезанного ломтями.

Я размочила ломоть хлеба в воде. Он превратился в кашицу, но вкуса не приобрел. Просто мокрая масса. Малфи опустошил тарелку. Посмотрел на меня, на корзину с яблоками, на размоченную хлебную кашицу в моей ладони.

– Велю доставить в замок свежих фруктов, – сообщил он.

– Правда? – Я расплылась в улыбке. – А как это работает – «доставить»?

– Пишешь записку, отправляешь с посыльным. И привозят.

– Удобно!

Малфи встал со стула.

– Подожди, а во сколько мы будем ужинать?

– Мы? – Он замер.

– Ну да. Ты и я! Скелеты же вроде не едят.

– Я ем тогда, когда проголодаюсь.

– Надо есть в одно время, это полезно для пищеварения. Будем ужинать в восемь часов. Ты к тому времени освободишься?

Некромант нахмурился так, будто я предложила попить чай на кладбище и позвать всех его скелетов. Хотя вообще-то идея неплохая!

– Один… – он вздохнул, – два… три…

– В восемь, – повторила я твердо. – Я приду в столовую, и ты приходи. Договорились?

– У меня масса дел, – пробормотал Малфи и ушел.

Неудивительно, что он не любит ужинать. С такой-то едой… Я потыкала пальцем в остатки каши на дне тарелки, в черствый хлеб, в сморщенные яблоки.

А что, если приготовить ему ужин своими руками? Настоящий, вкусный. До восьми часов полно времени…

– Друзья! – Я поднялась из-за стола, потирая руки. Скелеты насторожились. – Мы будем готовить. Варить. И даже печь.

Костяшкин скептически склонил череп набок.

– Не смотри так, я фея, я справлюсь. Вы же мне поможете?

Скелеты закивали. Все сразу. Отлично!

Глава 5

Костяшкин заботливо принес мне фартук: такой огромный, что я в нем утонула. Завязки пришлось оборачивать вокруг талии два раза, а потом еще и узлом завязывать на боку. Рукава я закатала по локоть, волосы затянула в пучок – кое-как, без зеркала, но хоть не лезут в глаза.

– Ну что, – я обвела взглядом скелетов, – знакомиться будем?

Безымянных было трое. Повар переминался с ноги на ногу, ширококостный изображал изваяние, а низенький жался к стене и клацал челюстью от волнения.

– Тебя я уже знаю, – обратилась я к повару. – Ты будешь Бульончик. Подходит?

Скелет схватил с плиты половник и радостно им взмахнул. Ширококостный подался вперед. Весь его вид говорил: а мне, а мне?

– Ты будешь Глыбой. Потому что ты большой и, наверное, очень надежный.

Он выпрямился еще сильнее – и стукнулся макушкой о притолоку. Посыпалась известка. Глыба даже не шелохнулся, только довольно заскрипел.

Остался низенький, взирающий на меня с такой надеждой, что я засомневалась – а бывает ли у скелетов надежда?

И где она у них помещается, если внутри только пустота?

– Ты Кроха, – решила я, – поскольку маленький и юркий.

Он подпрыгнул на месте, Бульончик одобрительно постучал половником по плите. Глыба кивнул, едва не снеся притолоку окончательно, а Костяшкин обиженно хрустел пальцами.

– У тебя уже есть имя, – напомнила я ему. – Зачем тебе второе?

Он подумал и согласился, что незачем.

– А теперь – за работу! Показывайте, что у вас есть.

Меня провели в кладовую – с каменными полками и мешками вдоль стен. Я заглянула в первый мешок: крупа. Во втором: тоже крупа, только другая. В третьем… ну, вы поняли. Мука была, и даже не одна – и пшеничная, и ржаная в отдельных закромах. Специи стояли на полке в пузатых баночках: перец, соль, лавровый лист…

– А где овощи? – озадачилась я. – Зелень?

Бульончик задумчиво поскреб череп костяшками. Глыба пожал плечами, отчего хрустнуло все, что могло хрустнуть. Кроха залез куда-то вглубь кладовой и притащил… ящик. Небольшой, металлический. Открыл дверцу. Ого, сколько внутри льда! Присмотревшись, я отшатнулась.

Там, на нижней полке, лежала курица. То есть я надеялась, что это курица. Перьев не было, зато торчали лапы с куриными когтями. Кожа пупырчатая, затянутая инеем. Головы я не видела, бедняжка была повернута бесхвостым голым задом.

Ох! Это же… Неприлично. Вот что некромант имел в виду.

– Это не еда. – Я захлопнула дверцу. – Бедняжку надо похоронить. Обязательно. Потом.

Скелеты закивали, но как-то неуверенно.

– Ладно, – я отдышалась. – Будем обходиться тем, что есть. Крупы у нас полно, мука есть, специи… Яблоки вон остались.

Я вернулась на кухню. У окна, на подоконнике, стояло несколько пустых горшков – когда-то в них что-то росло, но давно засохло.

– Смотрите, – сказала я скелетам. – Сейчас будет немного волшебства.

Они придвинулись ближе, я положила ладони на горшок. Представила зелень – сочную, яркую, пахнущую летом. Укроп, петрушку, зеленый лук, мяту. И цветы – те, что мы добавляли в салаты в Оазисе. Настурцию, примулу, фиалки. Они не только красивые, но и вкусные.

Земля в горшке зашевелилась, показались ростки. Я направила еще магии, и они потянулись вверх, разворачивая листья. Через минуту горшок напоминал маленький огородик – зелень густо кустилась, а между ней распускались яркие пятна цветов.

В глазах потемнело, пришлось схватиться за стол. Чуть не упала от слабости… Кроха пододвинул мне табуретку, Глыба подал кружку с водой. Бульончик и Костяшкин участливо заглядывали в лицо пустыми глазницами.

– В Оазисе я бы столько же сил потратила на целое поле, – пожаловалась я и отпила воды, – а тут – на один горшок.

Пожалуй, зелени хватит и на суп, и на салат, и на начинку для пирога. А вот вырастить фруктовое дерево я бы не потянула. Для этого нужно заклинание третьего круга, которое я так и не выучила. Наставница Иллианта говорила: «Плодоносные деревья требуют глубокого проникновения в суть роста, понимания цикла цветения и созревания. Это не просто насыщение магией, это диалог с природой». Я тогда кивала, а сама думала о том, как буду играть с Эларой и Тианой в мяч.

– Учиться надо было, – устыдилась я. – Зря ленилась. Теперь вот ем морщинистые яблоки и нахожу голых куриц в ящике.

Костяшкин сочувственно положил костяную ладонь мне на плечо.

– Спасибо, дорогой. А теперь – уборка! Видите это безобразие? Столы липкие, пол черный, посуда горами, паутина по углам.

Скелеты засуетились. Глыба схватил тряпку и принялся тереть стол с такой силой, что тот заскрипел и зашатался. Кроха юркнул под раковину и извлек оттуда щетки, мочалки, какие-то скребки. Бульончик снял с крюка огромный котел и принялся драить его изнутри. Костяшкин пытался командовать, но его никто не слушался.

Я взялась за мытье посуды. Гора в раковине казалась бес-

конечной – тарелки, миски, плошки, ложки, поварешки, подозрительные емкости с присохшими крошками на дне. Но мы работали слаженно: я отмывала, скелеты уносили чистую посуду на сушку.

В углах обнаружились пауки. Они испуганно жались к стенам, когда Кроха начал сметать паутину.

– Аккуратнее! – остановила я его. Подошла к ближайшему пауку, присела на корточки. – Простите нас, мы наводим порядок. Перебирайтесь повыше, ладно?

Самый крупный паук поразмыслил и пополз по стене вверх, к потолку. За ним последовали остальные. Кроха стал орудовать щеткой с неожиданной для скелета деликатностью, стараясь не задеть нерасторопных пауков.

Я поставила вариться суп: залила крупу водой, добавила соли, лаврового листа и отправила кастрюлю на плиту. После замесила тесто – простое, пресное. Главное – начинка.

– Глыба, – позвала я. – Помоги-ка. У тебя руки сильные.

Ширококостный подошел, с сомнением уставился на комок теста в миске. Затем осторожно опустил в него свои костяные пальцы.

– Меси, меси, – подсказывала я. – Надавливай, складывай, снова дави. Вот так. У тебя отлично получается!

Глыба старался так, что, казалось, миска треснет под его напором, но тесто поддавалось, становясь гладким и эластичным. Я накрыла его влажной тряпкой и оставила набухать.

– Бульончик, следи за супом. Если закипит, убавь огонь.

Помешивай, чтобы не пригорело.

Повар встал у плиты с половником. Зелень в горшке к тому времени поднялась выше, цветы распустились пышными шапками. Я погладила нежные лепестки.

– Простите, – шепнула я. – Вы такие красивые, а я вас сейчас в суп брошу. Но вы же съедобные, это ваше предназначение. Я буду вами любоваться, пока режу, и вспоминать, какие вы замечательные.

Цветы колыхнулись, словно соглашаясь. Или это ветерок из приоткрытого окна?

Я взяла нож. Самый приличный из тех, что нашлись на кухне – длинный, с деревянной рукояткой, но с таким тупым лезвием, что им можно было разве что мазать масло. Он смял стебель, но не отрезал. Я порылась в ящике. Там лежали ножи – все как один ржавые, кривые, с зазубринами на лезвиях. Один даже сломанный, от него осталась только половина.

– Ребята, у вас нет ножа поострее? Ну хоть какого-нибудь?

Кроха что-то заклацал и метнулся вон из кухни. Вернулся, неся в костяных лапках… нож? Не такой, как в ящике. С темной рукоятью, усыпанной драгоценными камнями, в потертом бархатном футляре.

– Ух ты, какой красивый!

Я вынула нож из футляра. Лезвие было изогнутым, будто полумесяц. Тонкое и острое, начищенное до зеркального блеска. Ни пятнышка ржавчины, ни капли грязи. Вот умеет

же некромант заботиться о вещах, когда захочет!

Лезвие вошло в зелень – легко, без сопротивления. Стебельки падали на доску ровными рядами.

– Кроха, ты умница, – обрадовалась я. – Спасибо тебе огромное.

Кроха засмущался и спрятался за Глыбу.

Резать таким ножом было одно удовольствие, хотя изогнутое лезвие мешало – непривычно, что ли. Я накрошила зелени в суп, часть отложила для салата, цветы разобрала по сортам – настурцию в салат, примулу – для супа, фиалки – в чай.

По кухне пополз аромат, от которого у меня самой потекли слюнки. Я засыпала зелень в суп, добавила еще перца, попробовала. А хорошо!

– Бульончик, ты гений, – похвалила я.

Повар довольно заскрипел.

Я приступила к салату. Нарезала яблоки тонкими дольками, смешала с лепестками настурции, добавила щепотку мяты. В качестве заправки выдавила сок волшебных розовых лепестков.

Тесто тем временем подошло. Я разделила его на две части, раскатала – скалку нашла на полке под слоем пыли толщиной с палец, но Костяшкин ее любезно отчистил. На одну половину я выложила нарезанные яблоки, присыпала гвоздикой, накрыла второй половиной, защипала края.

– В печь его, – я показала на плиту, где в глубине видне-

лось жерло духовки. – Кто у нас ответственный за выпекание?

Глыба важно забрал у меня противень с пирогом, задвинув его в духовку. Я выглянула в окно и обомлела.

За мутным стеклом творилось нечто невероятное! Серое небо, которое весь день давило на землю своей тяжестью, раскололось. В разрыве туч показались полосы – оранжевая, алая, золотая. Они горели так ярко, что даже грязное стекло не могло скрыть этого света. Деревья на кладбище, голые и страшные, стали почти прекрасными – их ветви купались в этом золоте, отбрасывали длинные тени, тянулись к свету, как руки, молящие о тепле.

Я прижалась лбом к стеклу. Никогда не видела заката! В Оазисе солнце не заходило – оно висело в зените вечно, чуть бледнея к ночи, но никогда не опускалось за горизонт. А здесь… оно уходило. Временно покидало мир, оставляя память о своем величии.

Полосы горели всё ярче, после начали тускнеть, сжиматься, таять. Небо темнело на глазах, наливаясь глубоким синим, практически черным. В вышине зажигались первые звезды.

– Сумерки, – вспомнила я слово, которое слышала от наставницы Иллианты. – Это называется сумерки. Время между днем и ночью.

Я любовалась, а внутри что-то переворачивалось. Мир людей был холодным и неуютным, но он умел быть краси-

вым. Настолько, как не снилось Оазису с его вечным солнцем. Интересно, а рассвет еще красивее?

Последняя алая полоса погасла, небо стало совсем темным, а в окне отражалась только кухня – факелы, стол, горшок с обрезанной зеленью и скелеты.

– Суп! – вспомнила я.

Бульончик размахивал половником у плиты. Я подбежала, отодвинула крышку – суп бурлил, но не убежал, только чуть-чуть плеснул на край.

– Успели, – выдохнула я, убавляя огонь. – Бульончик, ты герой. Благодарю, что доглядел.

Повар засиял бы, если бы умел.

Пирог тоже поспел. Глыба извлек его из духовки – румяный, с золотистой корочкой, от которой шел дивный аромат. Салат настоялся, пропитался розовым маслом, лепестки настурции сияли в полумраке кухни мягким светом.

Я попробовала суп. Вкуснотища!

– Жалко, вы не можете попробовать, мои дорогие помощники. Без вас бы я не справилась.

Костяшкин махнул рукой – мол, ерунда. Кроха прижал костяшки к груди в трогательном жесте, Глыба смущенно почесал затылок. Бульончик поклонился, едва не уронив череп.

Я заварила чай – залила фиалки кипятком в заварочном чайнике. Настенные часы в виде мрачной избушки показывали без четверти восемь. Пора накрывать на стол!

Посуда – та, что мы отмыли – стояла на сушке, но какая

же она была унылая. Сероватые тарелки, миски, чашки – без единого рисунка, без каемочки, без намека на красоту. Хоть бы цветочек нарисовали на дне…

Столовая встретила нас полумраком. Я принесла самые нормальные тарелки – без сколов и трещин, расставила их по местам. Серебряные ложки и вилки потемнели от времени, но после чистки заблестели благородным светом.

– А скатерть? – спохватилась я. – Где скатерть?

Кроха принес. Когда-то это была белая льняная скатерть. Теперь она представляла собой серо-бурое пятно с разводами и прорехами.

– Нет, – я покачала головой, – унеси и выброси.

Я положила ладони на стол. После готовки магии осталось мало, но она откликнулась. Паутинный шелк потек из пальцев, опутывая столешницу, стекая по бокам, застилая дерево прозрачной светящейся тканью. Нити переплетались, создавали узор с мелкими цветочными вкраплениями. Через минуту стол был укрыт. Шелк лежал идеально ровно, струился до самого пола.

Колдовство выжало все силы, стало дурно – на пару минут. Я постояла, отдышалась. За окном совсем стемнело. Факелы в столовой горели ровно, но света толком не давали – лишь разгоняли тьму. Пламя в них не угасало, горело себе и горело, будто и не нуждалось в масле. Волшебные! Логично, некромант – тоже маг, только тёмный…

Я поняла – нужны свечи. Чтобы горели на столе, отража-

лись в тарелках, создавали уют.

– Ребята, а свечи у вас есть?

Кроха снова умчался. Прибежал с охапкой свечей – толстых, черных, оплывших по бокам. Я расставила их на столе, отошла, посмотрела. С сияющим паутинным шелком они не сочетались. Как вороны на свадебном пиру. Собрав остатки магии, я щелкнула пальцами. С них слетела пыльца – золотая, искристая, моя. Несъедобная, как у любой феи, зато красивая. Она осела на свечах плотным слоем, покрывая их золотистыми блестками. Нежно, ненавязчиво, словно так и было задумано.

Кроха зажег фитили, по столовой разлился теплый свет. Я притащила кастрюльку с супом – на специальную подставку в центре стола. Пирог – на большое блюдо. Салат – в глубокой миске, чтобы видно было всё розовое великолепие. Чайник с фиалковым чаем – на краю, чтобы не мешал.

Стянув фартук, я оглядела себя. Платье чистое, слава солнышку! Пока готовила, не испачкала. Волосы выбились из пучка, падали на плечи растрепанными прядями. Я расчесала их пальцами, уложила как смогла, поправила юбку и уселась на стул.

Скелеты столпились в дверях, наблюдая. На часах было восемь. Я стала ждать. Минуту. Пять. Десять. Пламя свечей колебалось от сквозняка, тени плясали по стенам. Суп остывал, я это чувствовала даже на расстоянии. Пирог, наверное, еще теплый, но надолго ли?

Пятнадцать минут. Двадцать. Я прислушивалась. Шагов не было, только ветер шуршал за окном да где-то вдалеке скрипела несмазанная петля. Малфи заработался и забыл про время? Надо ему напомнить.

Я направилась в его кабинет. Скелеты заволновались и всей толпой бросились за мной. Кроха схватил меня за руку, потянул в другую сторону.

– Владыка не в кабинете? – догадалась я. – Ты хочешь показать, где его искать?

Кроха закивал, остальные скелеты застучали костями.

Мы поднялись на второй этаж. Коридор тянулся бесконечно. Те же факелы, та же пыль на полу, те же двери с тяжелыми кольцами. Скелеты довели меня до последней – в противоположном конце от моей комнаты.

Я постучала кольцом по дереву. Тишина. Постучала еще раз. Ни звука. Прильнув ухом к двери, я услышала дыхание. Шумное, тяжелое, с присвистом. Он там! Я дернула за кольцо – дверь не открылась. Опять заело? Сколько же в этом замке сломанных дверей?

Присев на корточки, я вгляделась в дверное отверстие. Темно, ничего не видно. Тогда я призвала магию – капельку, самую малость, на большее и не хватило бы. На кончике пальца зажегся синий огонек, я направила его в отверстие. Показался стебелек. Тонкий, гибкий, с бутоном на конце. Я подула, бутон раскрылся. Цветок рос, толкал дверной механизм, и внутри щелкнуло. Дверь открылась. Вот! И не сло-

мала на этот раз. Просто нужно меньше цветов колдовать.

За порогом было темно, направление указывало лишь чужое шумное дыхание.

– Малфи? – Я шарила руками в темноте. – Ты где?

Шаг, другой, третий, и я споткнулась обо что-то. Факелы вспыхнули все разом. Ой…

Я стояла посреди спальни – большой, мрачной, с тяжелой мебелью. А на кровати, на смятых простынях, сидел некромант. Одеяло сползло до пояса, открывая грудь – широкую, мускулистую, на которой выделялись темные линии татуировок и бугристые полосы. Это шрамы? В любом случае было… красиво. Я даже засмотрелась, забыв, зачем пришла.

Малфи сонно тер глаза, щурясь на свет факелов.

– Ты спишь? – вырвалось у меня.

– Уже нет, – процедил он.

Посмотрел на меня. Потом вниз, на свою грудь. Рванул одеяло, натягивая до подбородка.

– Что ты здесь делаешь?! – рявкнул некромант так, что я отпрыгнула.

– За тобой пришла, – объяснила я. – Ужин готов, а ты не приходишь. Ты почему так рано лег? Не поел.

– Мне через два часа на работу, – взвыл он. – Я только прилег.

– Ты спишь всего пару часов? – непонимающе захлопала я глазами. – Так нельзя…

Малфи сжал кулаки. Одеяло сползло, но он его поймал,

прижал к груди, как щит.

– Слушай, фея. Выйди вон! Разноси замок, приставай к скелетам, рушь мебель… Делай что угодно. Но подальше от моей комнаты!

У меня внутри всё сжалось. Обидно стало так, что глаза защипало. Я же так старалась… Убиралась на кухне, готовила! Суп сварила. Пирог испекла. Салат нарезала. Чай заварила. Стол накрыла. А он…

Я всхлипнула, Малфи вздрогнул.

– Нет… – выдохнул он. – Нет-нет-нет.

Слезы потекли по щекам, я размазала их ладонями, но они не кончились. Хотелось сказать ему всё то, что я думаю, но наружу исторглось лишь:

– Уы-ы-ы!..

Я разрыдалась в голос. Некромант заметался на кровати, запутался в одеяле, шипя сквозь зубы неразборчивые слова.

– Чтоб тебя… – его голос дрогнул. – Я приду. На ужин! Только перестань.

– Ч-честно? – шмыгнула я носом.

– Да! – Малфи выпутался из одеяла, прикрылся им, но небрежно, кое-как. – Оденусь и приду. Через несколько минут. Иди.

Я улыбнулась, вытирая слезы, и выскочила за дверь. Скелеты ждали в коридоре. Все сразу кинулись ко мне, тревожно клацая челюстями.

– Он придет, – успокоила я их. – Надо пока еду разогреть.

А то остыла.

Мы метнулись в столовую, затем на кухню. Я зажгла огонь под супом, сунула пирог в духовку. Скелеты носились вокруг, подавали, помогали.

Через десять минут я снова сидела за накрытым столом. Еда дымилась на столе, свечи горели, скатерть сияла. Я поправила волосы, одернула платье.

В коридоре раздались шаги – ура! Малфи вошел в столовую – в рубашке, застегнутой на все пуговицы, волосы тщательно приглажены. Остановился на пороге. Глянул на стол. На свечи в золотистых блестках. На скатерть из паутинного шелка. На тарелки с дымящимся супом, в котором плавали цветы. На пирог с румяной корочкой.

– Ну как? – не выдержала я.

– Нет слов…

Я зарделась, он прошел к столу, сел напротив. Принюхался. Подозрительно уставился на цветы в тарелке.

– Это точно едят? – неуверенно спросил Малфи.

Свою кашу ел, а тут сомневается!

– Это цветочный суп. Едят его, конечно, на обед… Но раз на обед у нас была каша, то суп не в обиде поменяться с ней местами.

Некромант взял ложку, зачерпнул. Отправил в рот. Замер. Я замерла тоже. Он прожевал. Проглотил.

– Вкусно, – сказал таким тоном, будто сам удивлялся.

Я выдохнула. Малфи опустошил тарелку, я налила еще.

Он съел и эту. Настало время салата. Некромант поковырял вилкой лепестки настурции и крайне задумчиво продегустировал.

– М-да, – протянул он неопределенно, но добавки попросил.

– Ох, у тебя столько работы, – посочувствовала я, – и теперь еще надо искать заклинание, чтобы вернуть меня домой. Но, может, и не придется…

Малфи поперхнулся салатом и прохрипел:

– В каком смысле?

– Старшие феи наверняка меня ищут. Найдут и заберут домой. Тогда тебе и делать ничего не потребуется.

– А… Ну да. Конечно, найдут. Непременно.

Кашлянув, он уткнулся в салат и долго не поднимал глаз. Мы доели суп. Я разлила чай – фиалковый, душистый. Поставила перед Малфи чашку, пододвинула пирог.

– Это тебе. Яблочный. С гвоздикой.

Он потянулся отломить кусок, но я остановила его за руку.

– Минутку! Порезать забыла.

Сбегала на кухню и вернулась с ножом. Тем самым изогнутым, с камнями на рукояти.

– Рия… – простонал некромант. – Где ты это взяла?..

– Мне скелет Кроха дал! Лезвие странное, но острое, режет отлично.

Малфи медленно повернул голову в сторону двери. Приспешники, до этого подглядывавшие за нами, бросились в

разные стороны. Костяшкин споткнулся и рассыпал по полу фаланги пальцев.

– Упокою… – прошептал некромант. – Всех упокою… Завтра.

– Правильно, – одобрила я. – Они мне очень помогли и заслужили отпуск.

Я начала ловко резать пирог на ровные куски. Малфи смотрел на это с таким мрачным выражением, что стало тревожно.

– Это фамильная ценность, – выдавил он. – Ритуальный кинжал Мортейнов. Мои предки проводили им важнейшие обряды на протяжении шести поколений.

– Ой, – я покрутила нож-кинжал в руке, – ты им что-то такое делал, из-за чего резать еду нельзя?

– Ну… – Некромант задумался. Почесал подбородок. – Вообще-то нет. Он просто хранился. Как реликвия.

– А, ну тогда нормально. – Я спокойно дорезала пирог. – Правильный ужин – тоже своего рода ритуал.

Малфи открыл рот. Закрыл. Открыл снова, чтобы отправить туда румяный кусок. Мы пили чай и ели пирог. Он был хорош – рассыпчатый, ароматный, с кисловатыми яблоками и пряной гвоздикой. Некромант съел три куска. Я – один, потому что наелась.

– А что ты хочешь на завтрак?

Он застыл с чашкой в руке.

– Я завтракаю в кабинете. Один. Пока разбираю бумаги.

– Поняла! Принесу тебе еду прямо в кабинет. Что ты любишь? Кашу? Я могу вкусную сварить, с цветами и медом. Только меда у нас нет… Но я что-нибудь придумаю, из медовых лепестков сделаю.

– Не надо ходить в мой кабинет.

Ясно. Отвлеку его от работы, если зайду.

Я зевнула, прикрыв рот ладошкой. Глаза слипались, сил не осталось совсем.

– Устала. Пора спать…

– А мне – на работу.

Малфи встал. Задержался у стола, глядя на свечи, на скатерть, на остатки пирога. И пробормотал:

– Спасибо.

– Пожалуйста! Спокойной работы.

– А тебе – спокойной ночи. Спи очень крепко.

Он вышел. Мы со скелетами быстренько убрали со стола и помыли посуду. Недоеденное пристроили в холодильный шкаф. Я побрела в свою комнату, туфлетапочки шлепали по каменному полу. Да, надо спать крепко и выспаться! У меня на завтра столько планов…

Глава 6

Малфегор

Ночь выдалась беспокойной – на дальнем погосте опять активизировался морок, пришлось разбираться. Мороки – дрянь редкостная: ни упокоить толком, ни изгнать, вьются вокруг деревень, пугают случайных прохожих, питаются чужой скорбью. Конкретно этот облюбовал целых три деревни и метался между ними как ненормальный. Лишить морок темной энергии и развеять – тонкая работа. Провозился до самого рассвета.

Небо на востоке начинало сереть, когда я входил обратно в замок, чувствуя каждый камешек под сапогами. Глаза слипались – сутки без сна. Впрочем, мне не привыкать.

Замок приятно безмолвствовал. В холле на посту стоял рослый скелет, которого фея еще не успела обозвать. Ну или успела, но я пока не знал. Он караулил у лестницы, делая вид, что стоит здесь просто так, в качестве украшения.

– Фея где? – осведомился я.

Приспешник показал костяным пальцем наверх. Второй этаж, гостевая комната. Наверное, еще не проснулась.

– Следи, – предупредил я, – чтобы не сбежала.

Он приложил руку к грудной клетке – туда, где у живых

бывает сердце. Жест получился душераздирающе преданным.

Я поднялся в свои покои. Моя спальня – единственное место в замке, куда скелетам запрещено входить без зова. Здесь ничего не менялось годами. Магические факелы на стенах, кровать с балдахином, шкаф, пара стульев. И тишина. Благословенная тишина.

Пройдя в ванную, я пустил воду, скинул грязную одежду на пол и забрался в чугунную бадью. Окутала горячая вода, разливаясь по уставшим мышцам. Я закрыл глаза, откинул голову на бортик. И тут же дернулся, распахнув веки.

А если она войдет? Сейчас? Вломится, как вчера, только на этот раз с вопросом: «Ты моешься?» Дверь для этой цветочной взломщицы не преграда!

Я заозирался в поисках шторки. Ее не было. Предки, обустраивая интерьер, явно не предполагали, что их потомку придется прятаться в ванной от феи.

Вода журчала, где-то далеко скрипели половицы. Я пытался расслабиться, но безрезультатно. Каждое дуновение ветра, каждый шорох заставляли напрягаться. Да что ж такое! В собственном замке спокойно помыться нельзя…

Я вылез из ванны быстрее, чем обычно, насухо вытерся, натянул чистую одежду. Наскоро причесал пятерней влажные волосы, глянул в зеркало. Из бронзовой глубины на меня смотрел бледный тип с темными кругами под глазами и недельной щетиной. Фея при первой встрече назвала ме-

ня симпатичным. Интересно, она вообще видит нормально? Или у фей со зрением проблемы?

Вздохнув, я направился в кабинет. Узкая винтовая лестница, знакомая до последней ступеньки. В кабинете пахло пылью и старыми бумагами. Рассвет сочился в окно, не добавляя света, но создавая видимость начала дня.

Почта ждала. Я плюхнулся на стул, подвинул ближайшую стопку. Королевская канцелярия – в сторону «до конца света». Жалобы – туда же, сам кому хочешь нынче пожалуюсь. Счета – отдельно, их придется оплачивать. Приглашение на бал к герцогу Рицкотту – сжечь немедленно. Я поджег, бросил его на тарелку с чем-то давно засохшим. Открыл следующее письмо.

Обычное утро. Обычная рутина. Я даже начал успокаиваться.

И вдруг в дверь постучали. Тихо, робко, неуверенно. Не скелеты – те либо скребутся, либо лупят костяшками что есть силы.

Я подошел к двери, распахнул. Никого. Только поднос на полу.

На нем: тарелка с кашей, булочки – румяные, пышные, еще теплые – и заварной чайник. Рядом чашка и ложка. Отдельно, в маленьком стакане с водой, торчал цветок. Розовый, с золотой сердцевиной.

Внизу на лестнице послышались торопливые шажки – топ-топ-топ – быстро удаляющиеся, почти бегом. Я выгля-

нул за перила. Мелькнул светлый подол и сиреневые волосы, скрывшиеся за поворотом. Твою ж…

Булочки пахли так, что у меня рот наполнился слюной. А цветок в стакане съедобный? Покрутив стакан в руках, я принюхался. Вроде нет, обыкновенный цветок. Я поставил его на подоконник к шиншилле, которая с него изумленно свалилась, да там на полу и осталась. Усевшись с подносом за стол, я зачерпнул каши – с медовыми нотками – и откусил булочку. Мягкую, с какой-то сладкой начинкой внутри. Я жевал и думал.

Фея. Настоящее бедствие. Катастрофа в кремовой упаковке. Угораздило же меня! Ритуальные свечи превратила в блестящее золотистое безобразие, скатерть наколдовала, еще и еды наготовила. Вчера и сегодня. Было вкусно. Очень вкусно. Я давно забыл, каково это. Закидывал в себя пищу как топливо и бежал по делам. А тут то булочки, то суп с цветочками.

И скелеты эти… предатели. Выдали ей месторасположение моего кабинета, затем спальни. Кинжал ей на кухню притащили. А если бы она порезалась? Чьи они теперь приспешники?!

Не собирался я идти вчера ни на какой ужин. Но она расплакалась. А у фей, когда они расстраиваются, сияние тускнеет. Она шмыгала носом и свет вокруг мерк на глазах. Это плохо. Если она не восстановит силу, то какой от нее толк в ритуале? Бесполезный источник, пустышка.

То есть дело было, конечно, вовсе не в ее слезах. Не в том, что у нее глаза стали огромные, мокрые и смотрели на меня с такой обидой, будто я лично растоптал все цветы в Оазисе. Просто деловая необходимость. Прагматичный расчет. Не больше.

Феи устроены забавно: чем чаще они колдуют, тем больше у них прибывает сил. При застое, наоборот, иссякают. Запереть ее в темнице – не вариант. Будет сидеть и реветь, пока сияние не погаснет окончательно. Никогда не дозреет для того, чтобы ее можно было использовать в ритуале. Так что пусть развлекается. Ну что она еще сделает? Хм… От этого вопроса почему-то становилось жутковато. Мне, владыке тьмы!

Я доел, выпил чай. Цветок на подоконнике был розовым пятном среди мрака кабинета. Выкинуть? Лень. Завянет, тогда и выкину.

Пялясь на него, я заметил в окне приближающуюся повозку. Крытую, с гербом торговой гильдии на боку. Она тащилась по размокшей дороге к замку, подскакивая на кочках. Доставка.

Я спустился. Возчики, как обычно, поспешили сгрузить заказ на крыльце и ретироваться в темпе экстренной эвакуации. В первой коробке лежали фрукты – для феи. Наливные яблоки, груши, виноград и всякое такое. Вторая коробка была меньше, обита бархатом и перевязана лентой. От господина К.

Разорвав упаковку, я вытащил счет и присвистнул. Три тысячи золотом? За что?! Неужели слезы единорога нашлись? Это редчайший ингредиент. Их можно использовать в ритуале Воплощения вместо феи… Тогда я немедленно отправлю ее домой. В Оазис, к цветам, подружкам, мячикам и что там у нее еще. А сам останусь здесь, в своем уединенном замке, с вполне съедобной кашей и верными скелетами. Славный расклад!

Я заглянул в коробку. Никакого флакона со слезами единорога. Лунная пыль в хрустальной банке. Корень мандрагоры, сушеный, явно свежее годовалого. И в маленькой серебряной шкатулке… кровавый камень. Секунду… Откуда, зачем? А, припоминаю. Это новый, взамен «потерянного», который отыскала на шкафу Рия. Вот же!

Ладно, что уж теперь. Такое обмену и возврату не подлежит. Будет запасной. А фея остается дозревать.

По моему зову пришли скелеты. Эти четверо предателей. Забрали коробки и понесли в замок. Точно, я же собирался их упокоить. Но сперва надо пройтись по кладбищу и прикинуть, кого поднять вместо них. Пока не найду новых, эти обойдутся без «отпуска».

Туда я и зашагал, прекрасно понимая, что давно выгреб из старых могил всё, что способно хоть как-то шевелиться. А новых лет десять как не было. Или дольше?

Утро было серым, но дождь не моросил. Я не дошел. Услышал хлопок двери. Обернулся.

С крыльца выбежала фея. В этом ее невесомом платье, волосы развеваются, глаза горят. За ней выскочили именованные скелеты, нагнали, подхватили на руки и понесли обратно в замок. Что ж… Может, и не упокою. Вон, слушаются. Велел им не выпускать «гостью» из замка – не выпускают. Но как бы она не разрыдалась по этому поводу!

Минута, и Рия опять выскочила на крыльцо, но очень уж весело подскакивая. Скелеты неумолимо настигли ее, подняли и потащили в замок.

– Ай! – Она хихикала и болтала ногами. – Щекотно же! У вас пальцы холодные!

Мои приспешники внесли ее за дверь, та захлопнулась. И сразу распахнулась: выбежала фея, чтобы снова оказаться пойманной.

– Прикольно! – пищала она, когда ее несли. – Давайте еще!

Я прикрыл глаза рукой. В какой момент моя жизнь превратилась в этот балаган?.. А, ну да. Вчера.

Хорошо, что возчики уже уехали и вокруг ни души. Увидь кто, как мертвая свита некроманта ловит полуголую девицу на лужайке… Ко мне возникла бы масса вопросов.

Я просто стоял и смотрел, как фея вылетела на крыльцо в четвертый раз. Подол платья задрался, открывая коленки. За ней, топоча костяными ногами, неслись скелеты. Ну, по крайней мере, она только играет в побег.

На пятый раз ей, кажется, надоело. Вовремя. К замку при-

ближался всадник. На вороном коне, в черном плаще, что загодя видно – темный маг. Я пригляделся – и узнал.

Дравен Кроули. Демонолог, владыка тьмы, живущий не так уж далеко. Мой коллега. Мы учились вместе в Академии темных искусств, потом разъехались по родовым гнездам, но поддерживали связь.

Он был… специфическим. Блондин с кудрявыми волосами до плеч. Глаза голубые, рожа смазливая, с правильными чертами, которые многие находили недостаточно зловещими для повелителя демонов. Он старался компенсировать это одеждой – сегодня, например, на нем был камзол с вставками цвета расплавленной магмы и острым воротом.

– Малфегор! – заорал он издалека, размахивая рукой.

Я вышел навстречу, перехватывая его на дороге. Конь под ним фыркал, косил глазом на кладбище, но держался молодцом. Привычный.

– Какими судьбами? – поинтересовался я.

– Заехал проконсультироваться. – Он спрыгнул с коня. – У меня демон один забастовал, в круге призыва сидит, жрать требует, а я его на голодный паек посадил для усмирения воли. Теперь думаю – не передержу ли? Мне бы кровавый камень для подчиняющего ритуала… А господин К. сказал, что продал последний тебе.

– Так и быть, тебе по дружбе уступлю, – не дрогнул я ни единым мускулом. – Еще не успел его оплатить.

– Настоящий друг! Помоги заодно с настройкой камня, ты

в этом лучший.

– Слушай, – понизил я голос, понимая, что настраивать камень придется вдвоем в моем кабинете, – я сейчас в замке не один.

Дравен вскинул свою идеальную бровь, которую, между прочим, выщипывал пинцетом – я застукал его за этим занятием еще в Академии и периодически попрекал.

– О, – он едва не подпрыгнул, – это женщина?

– Не твое дело, – поморщился я.

– Мое, мое, – хитро прищурился Дравен. – Мы же не чужие. Давно пора, а то сколько можно страдать по…

– Это фея, – перебил я.

Он замер с открытым ртом. Затем выдохнул:

– Ты все-таки похитил фею? Ну ты даешь! Если Мабэлла узнает, то нагрянет сюда своим волшебным величеством и надерет тебе зад.

– Допустим, попробует… Но с чего бы ей узнать? Я запутал следы. Портал замаскирован под случайный разрыв ткани миров, ловушка в эфирном слое, ни одного отпечатка.

– А ты рисковый мужик. – Дравен хлопнул меня по плечу. – Показывай свою фею. Любопытно, что за экземпляр изловил.

– Во-первых, она не моя и не экспонат, – процедил я, – во-вторых, Рия – так ее зовут – думает, что случайно переместилась из Оазиса, когда полезла за купол. И ждет, что я скоро отправлю ее домой.

– Наивная простота! – Он расхохотался. – Это ж надо. Бедняжка даже не подозревает, что…

– Заткнись, – оборвал я. – Идем в кабинет. Быстро и тихо.

Коня Дравен отпустил щипать траву у крыльца. Поправил плащ и ворот костюма. Хлыщ…

Не повезло. Мы вошли в холл – и сразу наткнулись на фею. Она сидела на нижней ступеньке лестницы, окруженная скелетами, и напевала им песенку. Увидев нас, подскочила, расправила платье.

– Ой! – Рия танцующей походкой приблизилась к нам. – У тебя гость?

Гость галантно склонился, взял ее руку и припал губами к пальцам. Прямо как при дворе короля, где охмурил всех возможных дам.

– Дравен Кроули, – представился он с самой обворожительной улыбкой. – Друг юности этого мрачного типа. А ты, полагаю, фея Рия, о которой мне только что рассказывали?

Ее ладонь замерла в его. Она смотрела на моего коллегу во все фиалковые глаза, а я – на них обоих, и чувствовал, как внутри закипает что-то темное и очень неуместное.

– Ты второй человек, которого я вижу в этом мире, – заулыбалась Рия. – Очень рада познакомиться.

– Прелестная фея, – Дравен соизволил отпустить ее руку, – истинное воплощение своего народа.

– Ох! – Судя по тому, как она расправила плечи, комплимент пришелся по душе. – А ты тоже… как это… владеешь

тьмой?

– Повелевает, – поправил я. – Мой коллега – демонолог.

– Бр-р-р… – Рия поежилась. – А демоны страшные?

– Бывают, – картинно вздохнул Дравен.

– Ты такой смелый, раз не боишься! – восхитилась она.

– У тебя чудесное платье, – сменил он тему. – Никогда такого не видел. Фейская работа?

Рия закружилась на месте, подол взметнулся.

– Сама ткала! Паутинный шелк. А туфельки я вообще из тапочек сделала. – Она выставила ногу, демонстрируя свое творение. – Были серые войлочные, а я их преобразила. Нравится?

– Невероятно. Изысканный вкус.

– Спасибо! Ты такой любезный…

– Нам с Дравеном пора, – вмешался я в их идиллический диалог. – У нас дела. Важные.

– Конечно-конечно. – Рия понимающе кивнула. – Идите. Я тут… со скелетами посижу. Приятно было познакомиться!

– Взаимно. – Дравен послал ей воздушный поцелуй. – Надеюсь, увидимся.

Я повел гостя наверх. Мы шли по коридору, а на его лице играла ухмылка, явственно намекающая, что сейчас он откроет рот и скажет что-то вопиюще бестактное.

– Славная феечка, – осклабился Дравен еще выразительнее.

– Она практически ребенок, – осадил я.

– Ребенок? Ты глаза разуй. Такая сочная девица, а какие у нее…

Я посмотрел на него, и он запнулся. Видимо, очень осуждающе получилось. Гены прапрабабки проявились, не иначе.

– Ты пришел камень настраивать или на фей пялиться? – поинтересовался я ледяным тоном.

– У-у-у… – протянул Дравен многозначительно.

– Что?

– Ничего. – Он пожал плечами, но его ухмылка никуда не исчезла.

Мы прошли до башенной лестницы в молчании. На ступенях оно, увы, прервалось.

– Так ты всерьез намерен проводить ритуал Воплощения?

Я кивнул.

– Ну, – Дравен почесал гладко выбритый подбородок, – справишься, конечно. Ты у нас легенда и талант. Но что бы сказал твой отец?

– Он бы сказал: «Отвали, сынок, я уже не при делах, хватит меня поднимать по каждому поводу».

– Что-то ты явно не в настроении. Женщину бы тебе.

– А твоя где? – огрызнулся я, ускоряя шаг.

– У меня их много! – раздалось в спину.

Поднявшись, я толкнул дверь, впустил запыхавшегося Дравена. Чего так неспортивно? Давно от демонов не убегал?

Он сел на край стола, огляделся. Взор его остановился на подоконнике, где шиншилла с большим энтузиазмом пыта-

лась понюхать розовый цветок в стакане. Лепестки качнулись, она шарахнулась, потеряла равновесие и с глухим стуком свалилась на пол.

– Убойный цветочек, – прокомментировал Дравен. – Фейский, небось?

– Нет. – Я уселся за стол, роясь в ящиках в поисках коробки с кровавым камнем. – Сам выращиваю на досуге.

Дравен заржал, запрокинув кудрявую голову. Перевел дыхание и сказал уже серьезно:

– Ладно, давай камень настраивать.

Наконец-то. Я как раз его нашел. Чем быстрее мы это сделаем, тем быстрее он уедет.

Глава 7

Рия

Какой у Малфи обходительный гость! Платье мое оценил, туфельки. И сам выглядит замечательно: камзол с блестящими вставками, волосы кудрявые, ухоженные. О!.. Все-таки у людей нет моды на бесформенные балахоны…

Вот только зачем я сказала столь обидные слова про демонов? Вдруг они страшные, но у них рога красивые? Хорошо, что бедняжки меня не слышали и не расстроились!

Мысли скакали безумными мячиками, но одно я знала точно: гостей следует угощать. Да, у Малфи и Дравена важные дела, но они же закончат их и спустятся.

В углу холла притаился всеми позабытый столик. Кривенький, одна ножка чуть короче, чем другие. Рядом притулился диван – темно-бордовый, с продавленными подушками и облезлой резьбой на подлокотниках. И два кресла, таких же несчастных на вид.

– Надо накрыть здесь, – обратилась я к скелетам, – только сначала прибраться. Моем пол, вытираем пыль. Давайте-давайте!

Глыба ухватился за диван и потащил его так, что ножки заскребли по каменному полу. Костяшкин и Бульончик взя-

лись за кресла. Кроха юркнул под столик, что-то подложил, и тот перестал крениться.

Потом мы приволокли ведро с водой и тряпки, взялись сообща за дело. Скелеты поначалу пытались по-старинке размазывать грязь по полу, но я показала, что тряпку надо промывать, а воду менять. Вскоре угол засиял чистотой. Диван, кресла и столик стояли ровненько, почти загляденье. Не полноценная гостиная, конечно, но я толком и не уверена, где в замке гостиная и есть ли она вообще.

Я заварила на кухне свежий фиалковый чай, нарезала фрукты и разогрела булочки, которые напекла утром: румяные, пухлые, с начинкой из медовых цветов. Жаль, что рассвет проспала… Но ерунда, завтра не просплю.

Скелеты помогли мне расставить в холле посуду. Тарелки, чашки и ложки, отмытые вчера до блеска. Столик пришлось укрыть наколдованным паутинным шелком – те же цветочные узоры, что и вчера в столовой, только помельче. Скатерть легла идеально, струясь до пола и скрывая кривоватую ножку.

А теперь – букет! Кроха притащил вазу: огромную, керамическую, с затейливой резьбой по бокам. Она была очень старой, у основания – скол.

– Битая, – огорчилась я. – Когда-то, наверное, чудесная была.

Костяшкин развел руками: мол, что есть.

– Переживем, – я поставила ее на стол, – цветы закроют.

И вырастила их: своей магией, из солнечного света, который чудом пробился сквозь тучи и заглянул в окно. Белые розы, лиловые колокольчики, нежно-розовые пионы и много-много зелени – папоротник, аспарагус, мята. Букет получился пышным, неаккуратным и домашним. Сунув его в вазу, я расправила листья, прикрывая скол.

Скелеты зааплодировали, у Костяшкина едва снова не отвалились фаланги. Я разложила булочки и фрукты на тарелках, красиво поставила чайник с чашками и уселась на диван, поджав под себя ноги. Ох, тапочки… Подошвы были в грязи. Переливчатый шелк, серебряное сияние – и черные разводы снизу. Надо будет помыть полы. Во всем замке.

Ждать Малфи и Дравена пришлось долго. Я разглядывала сводчатый потолок. Наверху, в тенях, угадывалась старинная роспись – какие-то фигуры, но время и копоть съели их. Ам, и нету! Как ужасно эти факелы чадят, светильники были бы гораздо лучше.

– А давайте чай пить, – предложила я скелетам. – Пока никого нет.

Они замялись.

– Ну, вы делайте вид, что пьете. Чашку подносите, вдыхаете аромат. Это же приятно – просто посидеть за столом, поболтать.

Костяшкин поскрипел пальцами, но сел. За ним Глыба – осторожно, чтобы не проломить диван. Кроха вскарабкался на подлокотник кресла. Бульончик устроился на полу, при-

слонившись к ножке стола.

Я налила себе чаю – с паром и мятным листиком. Скелетам – лишь сделала вид, что налила. Они поднесли чашки к лицам – ну, к тем местам, где у людей лица. Забавно оттопыривали мизинцы, повторяя за мной.

– Как было весело утром! – вспомнила я. – Вы меня ловили, я убегала. Отличная игра.

Костяшкин как-то странно замер.

– Не игра? – озадачилась я. – Мне лучше не выходить на крыльцо?

Он медленно кивнул. Остальные скелеты засуетились, отворачиваясь в стороны.

– А, ну точно, вы правы, – поняла я. – Снаружи мокрая земля. Там-то я туфли и испачкала, а вовсе не в замке. Вы такие заботливые! Но полы всё равно бы везде помыть…

Сверху донеслись долгожданные шаги. Скелеты подскочили, прячась кто куда. В холл спустились Малфи и Дравен, уставились на накрытый столик. Некромант выглядел еще угрюмее обычного, а демонолог, наоборот, сиял как начищенное блюдо.

– Наконец-то, – обрадовалась я. – Идите чай пить.

– Он торопится, – сказал Малфи строгим тоном.

– Да не так уж я и тороплюсь… – Дравен улыбнулся и сел ко мне на диван. – Рия старалась, было бы невежливо отказаться.

Некромант скрипнул зубами – чего это он? – и сел. На

самый краешек кресла, будто собирался в любую минуту встать и сбежать. Я разлила им чай, демонолог взял булочку, откусил, зажмурился.

– Потрясающе! Мягкая, воздушная… – произнес он с чувством и отпил из чашки. – М-м-м, фиалковый. Обожаю.

Малфи молча жевал булочку, глядя в стену.

– Ты тоже в замке живешь? – полюбопытствовала я у гостя.

– Да. Только мой замок отсюда не видно.

– Он мрачный? Не подумай, что это плохо… Просто здесь темно и сыро, а мне интересно, у всех ли так?

– Пожалуй, мрачный, – Дравен рассмеялся, – но не настолько. Матушка следит за порядком. И слуги есть – человек десять.

Я повернулась к Малфи.

– А где твоя матушка?

– Почила. – Он вцепился в чашку. – Вместе с отцом и… другими родственниками.

– Ой, прости, пожалуйста. Я не знала.

– Ничего. Давно было.

Дравен притих и уткнулся в чашку. Ну или был занят жеванием булочки. Но вид у него сделался такой, будто он очень хочет провалиться сквозь диван и оказаться сейчас где угодно, только не здесь.

– А у меня нет родителей, – поделилась я, впервые ощутив себя по этому поводу какой-то обделенной. – Я из бутона

родилась – в Оазисе. Нас с подружками воспитывали феи-наставницы. Они добрые и заботливые, но это, разумеется, другое. Хотя Элара и Тиана мне как сестры.

Чашка в пальцах некроманта отчего-то задрожала. О, да там ручка того гляди отколется… Старый сервиз, что с него взять.

– Может, тебе нанять помощников? Живых. Чтобы следили за порядком в замке.

– Мне достаточно умертвий, – отрезал он.

– У него удобная специализация, – вкрадчиво вставил Дравен. – Я вот уборщиков призвать не могу. Демоны в этом профаны. Скорее все разрушат, чем приберут.

– Ты у нас в гостях, – осенило меня, – значит, и мы к тебе можем приехать?

– Э-э-э… – Он покосился на Малфи. – Понимаешь, Рия… У меня сейчас в замке ремонт. Большой ремонт. Грязь, краска, куча рабочих и мастеров. Весь первый этаж разобран. Не лучший момент для визитов.

Я аж подпрыгнула на диване. Ремонт! В замках делают ремонт! Почему мне самой это не пришло в голову? Можно всё переделать, перекрасить, заново обставить. Блестящая идея.

– У нас тут двери часто ломаются, – пожаловалась я с намеком. – Не открываются. Вечно что-то заедает в их… Ну, дверном отверстии.

– В замочной скважине? – уточнил Дравен и некромант зыркнул на него сердито. – Знаете, а приезжайте, как ремонт

закончится. Буду вас ждать.

– Договорились! – Я откинулась на спинку дивана счастливая. – Ходить в гости здорово. Мне так нравится твой друг, Малфи.

Некромант поперхнулся чаем.

– Я велел называть меня иначе, – процедил он, вытирая подбородок.

– Исправлюсь, – опомнилась я. Приосанилась и произнесла торжественно, с уважением: – Владыка тьмы Малфи.

Тот залпом осушил чашку, Дравен прыснул в кулак. У него даже уши покраснели. Неужели чай слишком горячий? Вроде нет…

– Раз ты владыка тьмы, – щелкнула я пальцами у его носа, – выходит, сильный маг?

– Не жалуюсь, – скромно улыбнулся он.

– А у тебя нет заклинания, чтобы вернуть меня в Оазис? Только не прямо сейчас, а завтра. Я еще рассвет не видела.

Некромант дернул щекой.

– Знаешь, – сказал Дравен вкрадчиво, – Малфегор в этом гораздо лучше разбирается. Если кто и способен тебе помочь – то он. Был выдающимся студентом на нашем курсе в Академии темных искусств.

Ого! Какой мне умный некромант достался. Будь я старательнее с заклинаниями третьего круга и мудрее, возможно, сама бы сумела попасть домой.

– Кстати, а почему меня сюда переместило? – задумалась

я. – Из Небытия! Я руку протянула, а щупальца как вылезут, как дернут меня – под землю и сразу в саркофаг в склеп. Это загадочно.

Малфи напрягся. Прямо видно было, как у него плечи каменными стали.

– Жизнь загадочная штука, – философски заметил демонолог. – Небытие себе на уме. Может, такова твоя судьба – оказаться здесь.

– Судьба… – протянула я. Звучало красиво и гордо. – Ну да, с ней не поспоришь.

Некромант со стуком поставил чашку на стол. Едва не расплескал чай на скатерть.

– Я действительно тороплюсь, – вдруг сказал гость, поднимаясь. – Спасибо за чай, Рия. Ты прелесть.

Хозяин замка пошел провожать. Хотела составить компанию, но он на меня так грозно посмотрел, что я мигом передумала. Сидела на диване и слушала их шаги. Сначала – совместные удаляющиеся. Затем, после скрипа двери: одиночные, тяжелые и торопливые. Малфи прошел мимо меня, не взглянув, и направился к лестнице.

– Дела, – бросил он на ходу.

– Поспать бы тебе, – крикнула я вдогонку.

– Это тоже в списке дел, – донеслось с лестницы.

– Я суп сварю на обед! Новый. Ты можешь обедать, когда захочешь, но на ужин приходи в восемь!

Малфи не ответил, его поступь растворилась где-то на

верхних этажах.

Мы со скелетами убрали со стола, Бульончик хозяйственно унес остатки булочек в холодильный шкаф. Я мыла посуду и удивлялась. Надо же, я тут второй день, а уже встретила второго мужчину. Какие они разные бывают! Дравен – милый, вежливый, одет с иголочки, говорит комплименты. Но какой-то он… Будто с картинки. И имя у него такое, что ласково не сократишь. Малфи – суровый, вечно невыспавшийся, в своей мешковатой одежде и недовольно бурчащий. А с ним почему-то приятнее.

Закончив на кухне, я пошла в свою комнату. Пора было заняться ею всерьез. Сперва вытерла пыль со всех поверхностей – их было много, мебель темная, резная, с кучей завитушек, в которых пыль скапливалась годами. Я постоянно чихала, и каждый раз из какой-нибудь щели вылетало еще больше пыли, будто она там размножалась. Потом я вымыла пол – ведро воды почернело после первого же захода, пришлось менять три раза.

Окна… Стоило открыть створку, как в лицо пахнуло сыростью и кладбищенской землей. Я высунулась наружу, протерла стекла с обеих сторон тряпкой. Стало лучше.

Сев на подоконник, я принялась за ткачество. Магия текла по пальцам легко, восстановившаяся за ночь. Нити паутинного шелка сплетались в плотное полотно – нежное, переливчатое, с золотистыми искорками. Занавески получились длинными, до самого пола, с кружевными краями. Вер-

хушка закрепилась на стену магией – карниза-то не было. Теперь, когда ветер задувал в окно, они колыхались, и по комнате плыли золотые блики.

Постельное белье я соткала такое же – нежное, шелковистое, с мелкими цветами. Поколдовала с зеркалом. Маленькие бутончики проросли прямо из рамы, оплели его со всех сторон, распустились нежно-розовыми цветами.

Я отошла в угол, оглядела комнату целиком. В ней появилась жизнь! Мягкий свет от занавесок, цветы на зеркале, новое белье. В голове настойчивее закрутилось слово «ремонт». Этот замок в нем очень нуждается! Весь, от подвала до крыши.

Но для ремонта нужен план. Надо знать, сколько тут комнат, какой они площади, где что расположено. Не могу же я наугад всё переделывать. Наверняка у некроманта есть какой-нибудь чертеж. Спрошу!

Я направилась к башне. Лестница вилась вверх, ступеньки были старыми, стертыми посередине. Из любопытства я считала их – пятьдесят две, пятьдесят три… Ух, много.

У двери кабинета я остановилась. Малфи просил не отвлекать его от важных дел. Но ведь предстоящий ремонт тоже важное дело! Даже важнее некоторых других, потому что в чистом замке и дела делать в радость. Я постучала. Ответа не последовало. Решив не отступаться, я вошла.

В кабинете было пусто. Пошел спать? Какой молодец! Нельзя его будить, пусть отдыхает. Подожду. Хоть он и го-

ворил, что не надо сюда ходить, я же никак не могу отвлечь того, кого тут нет.

Факелы горели тускло, зато чадили вовсю. На столе – горы бумаг, чернильница, перья. На подоконнике – мой розовый цветок. От этого зрелища внутри стало тепло. Внизу, на полу, валялось что-то маленькое и костлявое. Я наклонилась – скелет! Чей? Похоже, некоего грызуна. Упал, бедняжка. Я подняла его, отряхнула от пыли, поставила обратно. Скелет вздрогнул. Челюсть клацнула, костяные лапки впились в подоконник.

– Ох! – Я отшатнулась. – Ты умертвие?

Оно шустро сползло с подоконника и юркнуло за книжный шкаф. Оттуда торчал только кончик костяного хвоста.

– Не бойся, – я присела на корточки, заглядывая в щель. – Не обижу. Хочешь, я и тебе имя придумаю?

Хвост затрясся и втянулся глубже. Ладно… Стеснительное, наверное. Не привыкло пока ко мне.

Я выпрямилась. Взгляд упал на полку шкафа. Справочник о феях! Тот самый, который Малфи вчера листал. Он стоял на полке, чуть выдвинутый. Жутко любопытно: что про нас пишут люди? Как известно, они те еще выдумщики.

Взяв книгу, я раскрыла ее на первой странице.

«Феи – магические существа, обитающие в параллельном мире, известном как Оазис. Обладают врожденной способностью к магии, которая усиливается с возрастом и практикой. Старшие особи имеют крылья».

Были картинки. Не цветные. Феи, нарисованные тушью, с большими глазами и длинными волосами. Крылья у них были прозрачные, стрекозьи. Я потрогала рисунок – у меня таких нет, но однажды появятся. Если перестану лениться…

Помечтав о них, я нашла оглавление. Разделы назывались: «Среда обитания», «Питание», «Размножение», «Магические способности», «Взаимодействие с людьми»… И куча других строчек.

– Размножение? – хихикнула я. – Ну и словечки у них.

Там было написано, что истинные феи рождаются из утренней росы и бутонов. Правильно! Так я и родилась. *«Дети фей и людей являются феями лишь наполовину и не могут жить в Оазисе».* Я ахнула. Полуфеи?.. Вот так новость! Иллианта такого не рассказывала…

Вероятно, это неправда, поскольку в разделе про взаимодействие с людьми оказались сплошные враки. Было написано, что феи любят золото и блестящие вещи, что они могут очаровать человека одним взглядом, что они крадут детей.

– Мы не крадем! – возмутилась я вслух. – И золото нам не нужно, пф-ф-ф. У нас своя красота есть, зачем нам чужое?

Но дальше шли и правдивые вещи. Про то, что феи ткут из паутинного шелка, что умеют выращивать цветы волшебством, что их магия зависит от настроения.

Я листала, листала, листала. Прочитала про то, что феи не выносят железа – чушь, я вчера ведра таскала. Про то, что феи боятся громких звуков – тоже глупости, мы с Эла-

рой и Тианой визжали на весь Оазис, когда играли. Про то, что феи не умеют плакать – тут я даже хмыкнула, вспомнив вчерашний вечер. Еще как умеем!

И вдруг я заметила, что ближе к концу книги загнут уголок. Ну Малфи, зачем так неаккуратно… Надо будет соткать ему закладку. Открыв эту страницу, я бережно расправила уголок. Глаза же наткнулись на заголовок:

«Ритуал призыва феи из Оазиса».

Сердце ухнуло где-то в горле. Я вчиталась.

«Для перемещения феи из ее родного мира в мир людей требуется создание ловушки на границе Небытия. Ловушка маскируется под естественный разрыв ткани миров и активируется при контакте с феей за куполом Оазиса. Щупальца ловушки захватывают фею и доставляют в заранее подготовленное место – ритуальный замкнутый сосуд».

Я перечитала этот абзац еще раз. Потом еще. Буквы расплылись перед глазами. Прикусив до боли губу, я закрыла книгу.

В кабинете было тихо, только крошечное умертвие шуршало за шкафом да факелы потрескивали. Я стояла, сжимая справочник в руках, и смотрела на розовый цветок на подоконнике. Он покачивался от сквозняка, такой беззащитный, такой красивый, такой чужой. И ничего не понимающий. Совсем как я, да?..

Глава 8

Я опять раскрыла книгу. Текст на странице был тот же, никуда не делся. А жаль. Я вглядывалась в эти строчки, будто надеялась, что они изменятся, если посмотреть на них под другим углом. Или если сильно захотеть. Увы, буквы складывались в те же слова, слова – в те же предложения.

«Щупальца ловушки захватывают фею и доставляют в заранее подготовленное место – ритуальный замкнутый сосуд».

Саркофаг. Малфи называл его ритуальным. И он не так уж удивился моему появлению в склепе. То есть удивился, но как-то не так. Сказал про сюрприз. А чем сюрприз? В том, что ловушка сработала?..

Зачем-то я пошарила глазами по книжному шкафу. Полки ломились от фолиантов с такими названиями, что читать их было страшновато: «Некрономикон для продвинутых», «101 способ упокоить буйного духа», «Как варить зелья (и не отравиться самому)», «Анатомия умертвий: от черепа до мизинца. Практическое руководство по сборке и разборке», «Энциклопедия проклятий». А где же «Руководство по вранью»? Видимо, некромант и без него прекрасно справляется! Еще на полке стоял череп. Вороний, кажется. Просто украшение? Странное, конечно. Но кто их знает, этих вла-

дык тьмы.

Больше там интересного не было. Я отлепилась от шкафа и уставилась в окно. На подоконнике стоял розовый цветок в стакане с водой. Лепестки чуть увяли по краям, а он всё еще держался. Малфи поставил его сюда. Не выкинул.

Я подошла ближе, тронула пальцем нежный лепесток. Он качнулся, на кончике пальца осталась бледная пыльца. Тишина давила на уши, пламя факелов отбрасывало на стены кривые тени. Пахло старыми бумагами и горьковато-терпкой полынью, которой пропитался балахон некроманта. Которым он укрыл меня на кладбище.

Помню, как я прижималась к нему, потому что боялась упасть, и чувствовала его тепло. А вчера в столовой на ужине у него было такое лицо… Будто Малфи забыл, что можно сидеть вместе с кем-то за столом. Он сказал «спасибо». Тихо, почти невнятно, но сказал.

Скелеты. Как они смущались, когда я дала им имена! Костяшкин чуть челюсть не уронил от радости. Глыба старательно месил тесто, боясь продырявить миску костяными пальцами. Кроха притащил ритуальный кинжал – фамильную ценность, между прочим. Бульончик размахивал половником и светился бы, если бы умел. А догонялки на крыльце? Я думала, мы играем. А меня всего лишь не выпускали из замка?..

Дравен. Он уточнил, что отверстие в дверях – это замочная скважина. Замок – это то, куда вставляют ключ. Я реши-

ла – заело, а меня заперли. Как в тот самый ритуальный сосуд. У нас в Оазисе двери никто не запирает… Нам нечего друг от друга скрывать.

«Если кто и способен тебе помочь – то он, – ответил мне Дравен про заклинание возвращения. – Был выдающимся студентом на нашем курсе в Академии темных искусств».

Они тогда переглянулись. Знали, что я здесь неслучайно. Судьба, говорите? Нет. Меня поймали!

За мутным стеклом серело небо. Моросил дождь, кладбище под ним выглядело еще несчастнее обычного. Надгробия торчали как попало, деревья тянули голые ветки к небу. У меня тянуло под сердцем. Не больно, а тоскливо. Очень и очень тоскливо.

И что теперь делать?!

Я вернулась к книге. Про обратное перемещение феи в Оазис там ничегошеньки не было. Ни словечка. Загнув уголок, я поставила книгу на полку: точно так же, как она и стояла. Может, выйти из кабинета и сделать вид, что я ничего не читала? Ведь это какая-то несуразица! Ну зачем некроманту фея? Но вдруг зачем-то нужна?..

Стол был завален бумагами – письма и всякие свитки. Я заглянула в ящики. Верхний – там валялись перья, чернильница, обломки мела. И один очень подозрительный зуб! Не спрашивайте, откуда я это знаю. У фей на такие вещи чутье. Второй ящик был пуст. В третьем…

Пергамент. Свернутый в трубочку, перетянутый черной

ниткой. Я вытащила его, развернула. Пробежала глазами по строчкам, и у меня внутри всё оборвалось.

Пункт первый: фея.

То есть я.

Пункт второй: кристалл-накопитель.

Пункт третий: кровавый камень для фокусировки.

Кровавый камень! Тот красный и блестящий, который я нашла на шкафу? Который Малфи попросил отдать.

Наверху был заголовок: *«Ритуал Воплощения»*. Что это вообще такое?!

Зажмурившись, я представила себе этот ритуал. Меня кладут на алтарь, вокруг пляшут скелеты с факелами. Малфи стоит в капюшоне и читает заклинание глубоким замогильным голосом, а потом… Угу, а что потом? На этом моя фантазия заканчивалась.

Свернув пергамент, я засунула его обратно в ящик. Села на стул. Руки дрожали, я спрятала их под стол, чтобы не видеть.

Наверное, Малфи все же знает, как вернуть меня домой. Но зачем ему возвращать, если он украл меня специально? Нет, всё это какое-то недоразумение! Я неправильно поняла. Или книга врет. Люди, вон, чего только про нас не пишут.

Но я вспомнила список. Вспомнила «сломанную» дверь и «догонялки». Пожалуй, недоразумение – это я. Потому что фея в мире людей – это именно недоразумение. Как та курица без перьев в шкафу со льдом. Лежит себе, никого не

трогает, а ее уже в список ингредиентов внесли.

Из-за шкафа высунулось стеснительное умертвие. Скелетик с блестящими глазницами. Оно устало склонило голову набок и клацнуло челюстью, будто всем видом говоря: «О, опять эти живые с их непонятными драмами! У меня вот шерсти нет – действительно проблема»…

Малявка шустро взобралась на подоконник и, понюхав цветок, проскочила в приоткрытую форточку и исчезла. Только костяной хвост мелькнул напоследок. Где-то в замке скрипнула дверь. Вскоре раздались знакомые шаги – тяжелые, приближающиеся, чуть шаркающие. Малфи поднимался по лестнице. Шел в кабинет.

Шаги затихли у порога, дверь распахнулась. Он вошел. Бледный, небритый и в темной рубашке, волосы вихрами торчали в разные стороны. Под глазами круги – спал, наверное, часа два, не больше.

– Я же говорил, – нахмурился некромант, – не надо ходить в мой кабинет.

Я встала со стула, вцепившись руками в подол платья. Сердце почти перестало биться, сжалось в комок и замерло. Малфи тоже замер. Посмотрел на меня, потом на полку с книгой. На стол. На ящик, который я забыла задвинуть до конца. Его брови сдвинулись к переносице.

– Что случилось? – спросил он тихим напряженным голосом.

– Ты… – Губы не слушались, приходилось заставлять их

шевелиться. – Ты меня похитил?

Некромант изменился в лице, стал каким-то растерянным. Вот! Сейчас скажет: нет, что ты, какая чушь. Я рассмеюсь и забуду про эту дурацкую книгу, про этот дурацкий список, про всё.

Малфи глубоко вздохнул. Опустил плечи. И выдохнул с каким-то облегчением:

– Да.

Сердце рухнуло куда-то в пятки, а затем забилось с такой силой, что наверняка было слышно во всем замке.

– Да… – глухо повторила я и вздернула подбородок. – Для ритуала Воплощения?

Он кивнул.

– Что или кого ты собрался воплощать?

Малфи открыл рот, постоял так несколько секунд. Казалось, хотел сказать одно, а сказал другое:

– Это неважно.

– Неважно? – Я поперхнулась от возмущения. – Меня выкрали, заперли в саркофаге, притащили в этот мрачный замок, а ты говоришь – неважно?!

Он молчал. Только желваки на скулах ходили, а губы сжимались в тонкую линию.

– Ты знаешь, как вернуть меня домой?

Малфи снова кивнул.

– Но не вернешь…

– Сейчас – нет.

Во мне вскипело что-то такое, чего я раньше никогда не чувствовала. Не обида, а самая настоящая злость. Горячая и жгучая, она разливалась по груди, подступала к горлу.

– Нельзя вот так брать и похищать фей! – выкрикнула я. – Да и не фей тоже! Что это за ритуал такой? Темный?

– Естественно. Я же темный маг.

– Считаешь, что я глупая, да?

– Нет, Рия, ты не глупая, – произнес Малфи абсолютно серьезно. – Просто очень доверчивая.

Звучало это так, словно доверять другим – это какой-то ужасный недостаток.

– Ты… – Я почти задыхалась, слова вылетали сами, я их не выбирала. – Ты плохой человек!

– Я некромант, – пожал он плечами.

Я издала какой-то звук. Не то писк, не то всхлип. Прошмыгнув мимо Малфи, выбежала из кабинета.

Лестница. Ступеньки. Куча ступенек! Я неслась вниз, хватаясь за перила, спотыкаясь на поворотах. За спиной слышались шаги – торопливые, нагоняющие.

– Рия! Стой!

Я не остановилась. Промчалась по коридорам, вылетела в холл, метнулась к входной двери, рванула тяжелое кольцо. Дверь поддалась – не заперто! – и я выскочила на крыльцо.

Холодный воздух ударил в лицо, дождь начал заливать глаза. Я сделала шаг, второй, и меня сцапали несколько костяных рук.

– Пустите! – забрыкалась я. – Пусти-и-ите!

Костяшкин держал меня за одну руку, Глыба – за другую, Кроха подхватил ноги, Бульончик поддерживал голову. Они потащили меня обратно в замок, и черепа у них были… виноватые. Даже сквозь пустые глазницы я видела, что им стыдно.

– Вы же мои друзья… – всхлипнула я, пытаясь вырваться. – Пустите!

Они не отпустили. Занесли в холл, где уже стоял Малфи. Тяжело дышащий, угрюмее, чем когда-либо.

– В комнату ее, – приказал он.

Скелеты послушались. Я перестала вырываться. Бесполезно. Их много, а я – маленькая фея. Что я могу?

В «гостевой» комнате они поставили меня на пол. Костяшкин погладил мое плечо – ладонью, осторожно, будто извиняясь. Фаланга указательного пальца отвалилась и покатились по полу. Он быстро нагнулся, поднял ее. Развел руками: мол, прости, не хотел тут мусорить. Я шмыгнула носом.

Скелеты вышли, порог переступил Малфи. Дальше не шагнул. Стоял сердитый и растрепанный, буравил меня взглядом исподлобья.

– Ты останешься в моем замке, – выговорил он ровно. – Где-то на месяц, может, меньше. А после ритуала я тебя отпущу. Верну обратно.

– Я не хочу участвовать ни в каком темном ритуале!

– Твое согласие не требуется.

Глаза наполнились слезами. Это было нечестно. Всё нечестно. Я ничего ему не сделала, я хотела достать мяч, протянула руку… А угодила в ловушку! По щекам потекли мокрые дорожки, Малфи вздрогнул. Сделал шаг вперед, остановился.

– Не реви. – Тон у него стал другим. Мягче, что ли. – Месяц – это недолго.

– Старшие феи найдут меня раньше! – выкрикнула я сквозь слезы. – Королева Мабэлла – она сильная! Они придут и…

Он отвел глаза. В сторону, на цветы, которые я вырастила на зеркале. И я осознала: меня не найдут. Следы запутаны, портал замаскирован, никто не знает, где я. Малфи же умный. Выдающийся.

– Почему я должна тебе верить? – завыла я. – Что ты меня отпустишь? Ты мне врал с самого начала.

– Не должна. Но у тебя нет выбора.

Я вытерла слезы. Они всё равно текли, но я хотя бы перестала всхлипывать.

– Уходи, – буркнула я.

Малфи постоял еще секунду и кивнул.

– Не пытайся сбежать. Скелеты не дадут.

Он развернулся, перешагнул через порог. Споткнулся о него, едва не упав, но удержал равновесие и сделал вид, что так и задумано. Дверь за ним закрылась.

Я села на пол посреди комнаты, обхватила колени руками

и заплакала. В голос, в полную силу, не сдерживаясь. Ревела, пока слезы не кончились. Шатаясь от слабости, я доползла до кровати и рухнула на нее.

Комната, которую я преобразила, казалась мне такой красивой всего несколько часов назад. Занавески из паутинного шелка колыхались от сквозняка, цветы на зеркале благоухали, новое белье было мягким и нежным. А теперь я глядела на всё это и чувствовала лишь досаду. Предпочла бессмысленно пялиться в потолок, на котором плясали отблески факелов. Сколько времени прошло? Час? Два? За окном темнело. Вечер. Значит, скоро восемь. Ужин.

Я прислушалась. За дверью – тишина. Встала, подошла, приоткрыла. В коридоре сидели скелеты, все четверо. Костяшкин, Глыба, Кроха, Бульончик. Тулились на полу рядком как воробьи на заборе.

– Вы же меня не выпустите из замка? – поинтересовалась я.

Они покачали головами. Костяшкин – грустно, Глыба – виновато, Кроха вообще отвернулся, Бульончик схватился за череп с намеком: самим совестно, но ничего не можем поделать.

Понятно. Они слушаются приказов некроманта, своего хозяина, который их оживил.

– Но из комнаты же мне можно выходить? – не унималась я. Скелеты дружно покивали. – А если я попрошусь погулять во дворе? Ну, подышать свежим воздухом? С вами, под при-

смотром?

Костяшкин поскреб череп многострадальными фалангами, Глыба потупился, Бульончик уронил голову в ладони – не буквально, слава солнышку. Потом они устроили совещание, клацая челюстями, и это было похоже на скрип несмазанных дверей. В итоге Кроха указал рукой вперед и наверх. Ясно, не к ним этот вопрос, существа подневольные.

– Ладно, – пробормотала я, – не очень-то и хотелось.

Закрыла дверь и вернулась в кровать. Думала, думала, думала. Сумею ли я подать феям сигнал? Или знак? Нет, не сумею. Даже не представляю, как это наколдовать. И не припоминаю, чтобы среди заклинаний третьего круга подобное было. Неудивительно, ведь младшим феям в принципе незачем наведываться в мир людей… Вылезти в окно? Высоковато, а я без крыльев.

На улице окончательно стемнело. Непроглядная чернота. Скелеты принесли ужин – поставили поднос на столик. Кувшин воды, фрукты и булочки. Мои булочки, которые я напекла утром. Лежали такие румяные, наглые, прямо на тарелке. Я смотрела на них, а они на меня. Им хоть бы что, а у меня трагедия. Аппетита не было, и я отвернулась к стене. Умертвия пошуршали костями и ушли. Поднос оставили.

Минут через десять дверь едва слышно скрипнула. Бульончик подкрался к подносу, накрыл булочки какой-то тряпицей – видимо, чтобы не черствели – и так же тихо выскользнул. Заботливый…

Я сама не заметила, как уснула. Провалилась в забытье. Снилось мне что-то беспокойное, цветное, но проснулась я с первыми лучами солнца. Небо мерцало. Свет был другим – не угасающим, а нарастающим. Вскочив, я подбежала к окну.

Тучи расходились, в разрыве показалась полоса – розово-золотая, нежная. Она росла, ширилась, заливала горизонт теплым светом. Деревья на кладбище купались в этом сиянии, трава и надгробия тоже. Рассвет!

Я прижалась лбом к стеклу. Ушедшее вчера солнце возвращалось. Оно здесь каждый день умирало и рождалось заново. И в этом было что-то такое… правильное. Надежное. Знать, что даже после самой темной ночи обязательно наступит утро.

Розовый свет заливал комнату, занавески из паутинного шелка подрагивали, а цветы на зеркале раскрывались навстречу солнцу.

Я расправила плечи. Выдохнула. Не буду сидеть тут и плакать месяц! Вот еще… Иначе сама плесенью покроюсь. Только как быть-то? Запуталась, я совсем запуталась. Возможно, и Малфи тоже? Иллианта говорила: «Не бывает плохих людей. Не бывает злых. Бывают только несчастные».

А он, конечно, очень несчастный. Спит по два часа, ест кашу, которую невозможно есть, общается со скелетами, которые не могут ему ответить. И родных у него нет – все почили. И друзей, наверное, нет, кроме этого Дравена, который приехал, покривлялся и уехал.

Немудрено начать похищать фей… Одиноко же. Живет в таком неуютном месте, неприбранном, запущенном, без цветов и кружевных занавесок на окнах.

Ничего. Я это исправлю. Сделаю Малфи счастливее! А счастливый некромант не будет проводить темные ритуалы. Он меня непременно отпустит. Безо всяких там воплощений.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.